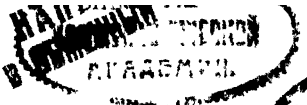
Профессоръ В. ф. Залѣсскій.

ПАРЛАМЕНТАРИЗМЪ И ЕГО ОЦѢНКА

НА ЗАПАДѢ.

МОСКВА.
„Русская Печатня". Садовая-Тріумфальная, д. № 170.
1909.

Парламентаризмъ и его оцѣнка на Западѣ.

1906 годъ ознаменовался насажденіемъ въ Россіи западно-европейскаго парламентаризма

Основныя черты этой формы государственнаго правленія опредѣляются наличностью, во 1-хъ, палаты выборныхъ представителей народа, обладающей законодательною, финансовою и контрольною властью, и, во-2хъ, министерства, политически отвѣтственнаго предъ палатою и потому неизбѣжно составляемаго изъ членовъ преобладающей въ ней партіи.

Правда, министерство у насъ пока еще не отвѣтственно передъ Государственною Думой, но при современномъ направленіи нашей внутренней политики—дѣло быстрыми шагами идетъ къ этому.

Первый опытъ созыва всероссійскаго представительнаго собранія оказался въ высшей степени неудачнымъ. Несмотря на изумительное долготерпѣніе Монарха, палату черезъ два съ половиною мѣсяца пришлось распустить.

Можно ли надѣяться, что вторичное созваніе народныхъ представителей, назначенное на 20 февраля 1907 года, будетъ опытомъ болѣе удачнымъ?

Нѣтъ—нельзя надѣяться! Въ то самое время, когда мы заимствуемъ и поспѣшно насаждаемъ у себя западныя парламентарныя формы государственнаго устройства, тамъ, на Западѣ, возникаетъ и быстро растетъ крайнее недовольство этой системой. Множество писателей, въ цѣломъ рядѣ работъ, спеціально посвященныхъ вопросу о парламентаризмѣ, констатируютъ это недовольство *).

*) Въ цѣляхъ сбереженія мѣста мы будемъ цитировать этихъ авторовъ, равно какъ и прочіе источники, сокращенно, а здѣсь приведемъ списокъ и разъясненіе этихъ сокращеній:

Sp., M v. St = H. Spencer, The man versus the State, 1892 (издано вмѣстѣ съ Social Statics).

Парламентъ работаетъ плохо (Pell., Parl, 88), парламентская система неудачна, „il sistema è spagliato“ (Fava. Princ., 18)—говорятъ *итальянцы*. Парламентаризмъ повсюду переживаетъ кризисъ (Eicht, Souv, 277)—заявляютъ *французы*. Парламентарныя формы правленія не имѣютъ творческой силы, „keine schöpferische Kraft haben“ (Off., Parl, 5), парламентаризмъ на континентѣ пережилъ самъ себя (Schöff., Parl, 28)—подтверждаютъ *нѣмцы*. Всѣ, даже парламентскіе дѣятели, признаютъ парламентаризмъ никуда негодной формой правленія (die corrupteste Regierungsform), такъ что лишь люди особой породы карьеристовъ-дѣльцовъ (Streber und Macher) чувствуютъ себя въ этомъ тинномъ морѣ (Schlammeer) хорошо и удобно (Schöff., Parl, 2).

Тридцать лѣтъ тому назадъ господствовала всеобщая

Off., Parl.=Alfr. Offermann, Parlamentarismus contra Staat in unserer Zeit, 1898

Off. Fan.=Alfr. Offermann, Wachsender Fanatismus fur allmächtige Staatseingriffe, 1894.

Walck, Gef.=K. Walcker, Die Gefahren des Konstitutionalismus und ihre Gegenmittel, 1896.

Hol., Ach.=Edm. Holenia, Die Achillesferse des Konstitutionellen Systems, 1896.

Schöff, Parl=Jos. Schöffel, Der Parlamentarismus, 1902.

Zenk., Ref.=E. V. Zenker, Reform des Parlamentarismus, 1902.

Spring., Mehrh=Rud. Springer, Mehrheits-oder Volksvertretung? 1904.

Grunw. It. Zw. K.=M. Grunwald, Geschichte des italienischen Zwangskurses, Finanz-Archiv, 1894, I Band, S S 81—151.

Sen., Parl=Paul Seneca, Le parlamentarisme, 1897.

Flchth., Souv.=Eug. Eichthal, Souveraineté du peuple et gouvernement, 1895.

Pioger, Vie. Soc.=J. Pioger. La vie sociale, la morale et le progres, 1894.

Fava, Princ.=Nicc. Fava Principe, Governo, Popolo, 1895.

Chim, Vita=Pietro Chimienti, la vita politica et la pratica del regime parlamentare, 1897.

Sigh., C. P.=Sighele, Contro il parlamentarismo, 1895

Pell., Parl=Lomb. Pellegrino, La Questione del parlamentarismo, 1896.

Stead, Sat=W. Stead, Satan's invisible world displayed, 1898.

Hird, Cry=Frank Hird, The cry of the children, 1898.

Янж., Синд=Янжулъ, Промысловые синдикаты, 1896.

Ann.=The Annals of American Academy of political and social sciences.

В. Е.=„ВѢстникъЕвропы“.

М. Б=„Міръ Божій“.

Р. М=„Русская Мысль“.

Н Сл.=„Новое Слово“.

непоколебимая вѣра въ спасительную силу парламентаризма; въ теченіе одного поколѣнія эта вѣра уступила мѣсто полнѣйшему скептицизму (Spring., Mehrh., 5). Парламентаризмъ вызываетъ крайнее недовольство въ Австріи (Spring, Mehrh., 6) Германія недовольна своими парламентаріями: Бисмаркъ неоднократно выражалъ изумленіе по поводу политической неспособности Германскаго Рейхстага: „а вѣдь Германія—очень образованная страна", добавлялъ онъ не безъ горечи (Schöff., Parl., 8).

Англичанинъ Nodley, въ книгѣ „France", изданной въ 1898 году, отмѣчаетъ, *что Франція* разочаровалась въ парламентаризмѣ (см. М Б., 1899, I, 93, 99, 112); Emile Faguet въ 1902 году называетъ французскій парламентаризмъ злѣйшимъ врагомъ свободы и не видитъ спасенія ни откуда (см. В. Е., 1903, мартъ, 157, 164).

Итальянцы не менѣе безнадежно смотрятъ на свой парламентаризмъ. Fiamingo полагаетъ единственное спасеніе въ *уничтоженіи парламента* (...sopprimendo le camere parlamentari), какъ учрежденія, вносящаго въ жизнь лишь нравственное разложеніе и поощряющаго соціальный паразитизмъ (Chim., Vita, 325). Извѣстный итальянскій политическій дѣятель, министръ народнаго просвѣщенія Bonghi (см. Schöff., Parl., 5; Pell., Parl., 115), отзывается въ высшей степени рѣзко объ итальянскомъ парламентаризмѣ, отдающемъ страну во власть недобросовѣстныхъ политическихъ дѣльцовъ, и о будущности итальянскаго парламента высказывается словами поэта:

Questi è un uomo che morrà.

Дѣйствительно, *парламентскія злоупотребленія въ Италіи грандіозны;* напримѣръ, съ 1885 по 1889 годъ на постройку желѣзныхъ дорогъ истрачено 898 милліоновъ лиръ, при чемъ желѣзныя дороги по большей части проведены по ущельямъ горъ и по пустыннымъ морскимъ берегамъ, какъ бы умышленно обходя населенныя мѣстности, нуждающіяся для своего развитія въ усовершенствованныхъ путяхъ сообщенія; и стоимость постройки вдвое превышаетъ смѣтныя предположенія (Pell., Parl., 108—109).

Въ Испаніи конституціонализмъ есть не что иное, какъ

„организованное нападеніе на карманы народа“ (Брунсъ, статья въ North American Review, см. М. Б., 1902, VIII, 65).

Даже *въ Англіи*, классической странѣ парламентаризма, за послѣднее время наблюдается недовольство; „либеральныя“ парламентскія реформы XIX вѣка не только разстроили вѣками сложившійся характеръ государственнаго правленія Англіи, но и подорвали самую основу англійскаго государственнаго устройства—систему Selfgovernment'a (Off, Parl, 51, 52—53, 76). Гербертъ Спенсеръ высказался однажды въ такомъ смыслѣ, что борьба съ парламентаризмомъ есть насущная задача для англійскаго народа (Sp, M. v. St., 403).

Не лучше обстоитъ дѣло въ Америкѣ Въ Соединенныхъ Штатахъ политическая продажность сдѣлалась явленіемъ обычнымъ; политиканы выступаютъ тамъ открыто въ роли избирательныхъ антрепренеровъ (impressari di voti); голоса продаются съ публичнаго торга; депутаты и сенаторы входятъ въ сдѣлки съ банкирами и желѣзнодорожными компаніями и, за опредѣленное вознагражденіе, обязываются противодѣйствовать всякому закону, для тѣхъ нежелательному. Такъ пишетъ о Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ французъ Bourget (см. Pell, Parl, 110), но и сами американцы не лучшаго мнѣнія о своихъ парламентскихъ представителяхъ: напримѣръ, Клаудъ говоритъ, что „Національный Конгрессъ, когда-то самое чистое и патріотическое учрежденіе въ мірѣ, оказался въ данномъ случаѣ (желѣзнодорожное законодательство) какъ бы главной квартирой всѣхъ недобросовѣстныхъ людей американской націи“ (см. Янж., Синд., 164—165, примѣч.),

Въ результатѣ получилось крайнее недовѣріе американцевъ ко всякому выборному управленію, недовѣріе, о которомъ неоднократно и съ особеннымъ удареніемъ упоминаетъ Вильямъ Стэдъ въ своей знаменитой книгѣ—„Разоблаченіе невидимаго царства Сатаны“ (Stead., Sat.. 55, 68, 159, 162, 194). Муниципальныя злоупотребленія достигли въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ, наконецъ, такихъ колоссальныхъ размѣровъ, что большіе города для спасенія отъ муниципальнаго парламентаризма обратились ни болѣе ни менѣе, *какъ къ бонапартизму!* (Stead, Ib., 162—163, 167). Бонапартизмъ есть не что

иное, какъ плебисцитарная диктатура: и вотъ оказывается, что американскіе города учреждаютъ у себя мэровъ съ диктаторской властью. Впервые такая диктатура городского головы создана была въ Бруклинѣ, въ 1822 году, и такой мэръ съ колоссальными полномочіями называется тамъ—the Tsar-Mayor, т.-е. царьголова (Stead, Ib., 166, 173). Послѣ того такіе же мэры-диктаторы (иногда съ нѣкоторыми ограниченіями власти—и опять-таки изъ-за недовѣрія) созданы въ очень многихъ городахъ: въ Чикаго, въ городахъ штата Иллинойсъ, въ Кливелендѣ, въ Нью-Іоркѣ, въ Бостонѣ, во всѣхъ городахъ штата Индіана, въ четырехъ крупнѣйшихъ городахъ штата Пенсильванія (Stead, Ib., 173, 175, 176, 177; Ann., 1906, I, 141). Сверхъ того образовавшаяся въ Соединенныхъ Штатахъ лига для проведенія муниципальныхъ реформъ (National Municipal League) поставила одною изъ своихъ задачъ—расширеніе власти мэровъ, въ особенности въ дѣлѣ назначенія и увольненія муниципальныхъ служащихъ, исключая контролера (Ann., 1906, I, 141). Многіе предсказываютъ, что подобныя муниципальныя реформы неизбѣжны и въ англійскихъ городахъ (Stead, Ib., 166).

Недовольство парламентаризмомъ замѣчается даже въ наиболѣе демократической странѣ—въ Австраліи (Walck., Gef., Ш).

Не удивительно поэтому, что осужденія парламентаризма, и въ самой рѣзкой формѣ, встрѣчаются на каждомъ шагу. Парламентаризмъ есть никуда негодная форма правленія (Schöff., Parl., 2); лишь слѣпцы не видятъ процесса разложенія, вносимаго въ государственную жизнь парламентаризмомъ (Off., Parl., 98); парламентаризмъ грозитъ опасностью всему обществу (Schöff., Parl., 1), ведетъ къ анархіи (Eichth., Souv., 242), ибо представляетъ собою не что иное, какъ постоянную междоусобную войну (Sén., Parl., 34).

Однако, скажутъ сторонники парламентаризма, система эта въ XIX вѣкѣ распространилась по всему цивилизованному міру, и такое быстрое распространеніе есть лучшее доказательство ея благотворности (Zenk., Ref., 6, 12).

На самомъ же дѣлѣ фактъ этотъ самъ по себѣ ничего не говоритъ въ пользу парламентаризма; быстрое всеобщее распространеніе этой системы объясняется слѣпымъ подра-

жаніемъ, заимствованіемъ внѣшнихъ формъ англійскаго государственнаго устройства—безъ пониманія существеннѣйшихъ характерныхъ особенностей его внутренней организаціи.

Ошибочное пониманіе англійской конституціи начинается съ того момента, когда на нее впервые обратили вниманіе, т-е. съ появленіемъ книги о „Духѣ Законовъ" Монтескье, который отнесся къ предмету весьма поверхностно и отмѣтилъ въ англійской конституціи лишь чисто внѣшній фактъ—раздѣленіе властей.

Къ фантастической конституціонной доктринѣ Монтескье присоединено было не менѣе фантастическое ученіе о суверенитѣ народа Руссо, совершенно игнорировавшаго права меньшинства и интересы отдѣльныхъ общественныхъ круговъ въ государствѣ; и вотъ на этой доктринерской основѣ построена вся теорія и практика современнаго конституціолизма (Off., Parl., 56).

Монтескье, какъ сказано, понялъ англійскую конституцію въ высшей степени поверхностно, съ чисто формальной стороны: условія англійской общественной жизни, какъ необходимыя основы этой конституціи, онъ проглядѣлъ; ему не только осталась совершенно неизвѣстной англійская система самоуправленія (selfgovernment), но даже самое понятіе *государственнаго управленія* ему было чуждо *). Сущность англійской конституціи представлялась ему въ видѣ равновѣсія трехъ раздѣленныхъ властей—законодательной, судебной и еще третьей власти, которую онъ назвалъ *исполнительной*; всѣ же остальныя внутреннія, наилучшія, существеннѣйшія стороны англійской государственной жизни ему остались неизвѣстны. (Off., Parl., 56). Вообще, все англійское государственное устройство было понято совершенно превратно —англійскую перію принимали за потомковъ феодальной аристократіи, между тѣмъ какъ она сформировалась изъ представителей дворянскихъ родовъ, участвовавшихъ въ мѣстномъ само-

*) Ученіе о государственномъ управленіи разработано въ XIX вѣкѣ нѣмецкими государствовѣдами, главнымъ образомъ Лоренцомъ Штейномъ и Робертомъ Молемъ; съ тѣхъ поръ вмѣсто власти исполнительной (vollziehende Gewalt) въ наукѣ государственнаго права говорятъ уже о власти правительственной (Verwaltung).

управленіи; палату общинъ считали представительствомъ народа, свободно группирующагося при выборахъ, сообразно сходству или различію индивидуальныхъ интересовъ, между тѣмъ какъ это было представительство общинныхъ союзовъ; всю англійскую конституцію считали системой равновѣсія трехъ раздѣленныхъ властей, а между тѣмъ она основывалась на selfgovernment'ѣ, какъ системѣ равновѣсія политическихъ правъ и обязаностей (Off., Parl, 57, 85—86).

И вотъ по такому фальшивому, доктринерскому шаблону начали выкраивать европейскую конституцію, забывая, что условія жизни на континентѣ совершенно иныя, чѣмъ въ Англіи, и что англійское государственное устройство не придумано, не сочинено, а выработалось постепенно самою жизнью, развилось историческимъ путемъ (Hol, Ach, 6 Off, Parl., 97).

Когда Іоаннъ Безземельный вынужденъ былъ дать Великую хартію, то политическія права получили только высшія сословія. Но затѣмъ законодательство первыхъ четырехъ Эдуардовъ распространило эти права и на среднія сословія въ составѣ общинныхъ союзовъ; такимъ путемъ создалось знаменитое англійское самоуправленіе—selfgovernment (Off., Parl., 16).

Самоуправляющіяся земскія единицы, графства, получили такое устройство, каторое связывало каждаго члена общества съ высшей государственной властью—какъ въ сферѣ военной организаціи, такъ въ сферѣ отправленія правосудія, равно въ полицейской организаціи и податномъ дѣлѣ.

Лица, подлежащія призыву на военную службу (не освободившіяся отъ нея посредствомъ уплаты особаго нало га) образовали милицію, состоявшую въ мирное время подъ начальствомъ представителя королевской власти въ графствѣ—шерифа; въ случаѣ войны король присылалъ спеціалистовъ военнаго дѣла, которые и придавали окончательную военную организацію этой милиціи, приводили ее въ боевую готовность (Off., Parl., 18).

Въ сферѣ суда образовались суды присяжныхъ; высшая судебная власть принадлежала шерифу же. Замѣчательно, что шерифъ, хотя и назначался королемъ, но

долженъ былъ непремѣнно быть мѣстнымъ землевладѣльцемъ съ опредѣленнымъ цензомъ (Off., Parl., 18—19).

Полицейская власть сосредоточилась въ рукахъ мировыхъ судей, назначаемыхъ королемъ изъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ: потомъ ихъ компетенція очень расширилась, и къ полицейскимъ функціямъ присоединилась власть судебная (Off., Parl., 19).

Въ дѣлѣ взиманія правительствомъ налоговъ графства стали играть также очень важную роль, такъ какъ раскладка налоговъ между плательщиками внутри графства производилась при непремѣнномъ участіи мѣстныхъ выборныхъ людей (Off, Parl, 20)

Такъ сложилось selfgovernment— мѣстное управленіе, въ формѣ службы изъ чести со стороны лицъ высшаго и средняго сословія и на основахъ самообложенія; существо этой системы состоитъ въ распредѣленіи денежныхъ повинностей, личной службы и почетныхъ должностей по опредѣленному масштабу и при наличности строго опредѣленныхъ правъ и обязанностей. Для каждаго было понятно, что его политическія права суть коррелативъ его политическихъ обязанностей, власть, правда, принадлежала лишь высшему и среднему сословію, но обладаніе ею обусловливалось платимыми имъ крупными налогами и безвозмезднымъ отправленіемъ должностей, съ которыми связана эта власть (Off., Parl., 21).

Изъ круга лицъ, несшихъ почетную службу въ графствахъ въ качествѣ мировыхъ судей, присяжныхъ и т. д., выходили члены парламента, явившіеся туда съ большимъ запасомъ опыта, на дѣлѣ—путемъ прохожденія службы—ознакомившіеся съ законодательствомъ въ его практическомъ примѣненіи со всѣми его достоинствами и недостатками (Off., Parl., 76). Если мы припомнимъ, что должностныя лица англійскаго самоуправленія, принадлежа къ мѣстнымъ сословіямъ, тѣмъ не менѣе назначались королевскою властью—то намъ станетъ совершенно ясною та неразрывная связь англійской конституціи съ мѣстнымъ самоуправленіемъ (selfgovernment), которая по справедливости считается основою всего англійскаго государственнаго устройства (Off., Parl., 75, 76, 64).

Въ этой организаціи selfgovernment'а лежала и гарантія

противъ злоупотребленія властью со стороны высшихъ чиновниковъ страны или (впослѣдствіи) со стороны господствующей парламентской партіи (Off., Parl., 64): свобода, честь и имущество личности находились подъ охраною мѣстныхъ властей—полицейской, судебной и финансовой, оказывались благодаря этому недосягаемыми для представителей высшей государственной власти (Off., Parl., 44).

Континентальные доктринеры, усердно насаждающіе парламентаризмъ, совершенно не считаются со всѣми этими особенностями англійской конституціи.

Далекіе отъ пониманія роли selfgovernment'a, какъ основы англійской конституціи, связывающаго воедино начало общественное съ государственнымъ и являющагося школою государственныхъ людей, они проповѣдуютъ полную независимость и обособленность различныхъ мѣстныхъ союзовъ, т.-е. провинціальныхъ, земскихъ и общинныхъ учрежденій (Off., Parl., 62).

Упуская, затѣмъ, изъ вида другую въ высшей степени важную особенность англійскаго парламента — тотъ фактъ, что члены его были представителями не всего народа in abstracto, а отдѣльныхъ конкретныхъ общинныхъ союзовъ, члены которыхъ были объединены крѣпкой связью совмѣстной общественной службы и общинной раскладкой денежныхъ повинностей (Off., Parl., 85), современные доктринеры объявили парламентскихъ депутатовъ представителями всего народа, безотвѣтственными передъ своими избирателями.

Затѣмъ гг. доктринеры—сознательно или безсознательно — оставили внѣ своего кругозора аристократическій характеръ англійскаго государственнаго устройства; до половины XIX вѣка англійскій парламентъ былъ правленіемъ высшихъ классовъ (Schöff., Parl., 3). Благодаря такой грубой ошибкѣ—доктринеры отожествили англійскія политическія партіи виговъ и тори съ современными европейскими правыми и лѣвыми партіями (Pell., Parl., 154—156; Off., Parl., 40—42), между тѣмъ какъ виги и тори были лишь консервативной и либеральной фракціями аристократическаго правящаго класса, объединеннаго въ стремленіи къ величію и благу государства.

Конечно, аристократическое парламентское правленіе

Англіи страдало недостатками и очень крупными: интересы низшихъ классовъ игнорировались, латифундіи процвѣтали, мелкая земельная собственность была убита, многочисленные косвенные налоги падали всею тяжестью на бѣдные классы, судопроизводство стоило непомѣрно дорого, законы для бѣдныхъ—были жестокіе и т. д (Pell., Parl, 59—60): тѣмъ не менѣе подъ этимъ правленіемъ Англія достигла и матеріальнаго процвѣтанія и могущества.

Наличность общаго обѣимъ партіямъ стремленія къ благу государства — весьма характерная черта стараго англійскаго парламентаризма, между тѣмъ какъ въ современномъ конституціонномъ строѣ—отдѣльныя группы населенія и ихъ представители въ палатахъ преслѣдуютъ не общегосударственныя, а узко-партійныя цѣли.

Смѣшно и наивно думать, говоритъ Оффермаиъ, будто современные депутаты, избираемые обществомъ безъ подраздѣленія на сословія и на другія группы, будутъ себя чувствовать и вести какъ представители цѣлаго народа (Off., Parl., 88).

Депутаты являются всегда избранниками партій, въ парламентахъ идетъ ожесточенная борьба партій изъ-за собственныхъ интересовъ, общее же благо отступаетъ на задній планъ (Hol., Ach., 7; Eichth., Souv. 232). И это не случайное, не временное, преходящее зло — потому что оно прогрессируетъ; Бисмаркъ подъ конецъ своей жизни говорилъ, что взаимная ненависть отдѣльныхъ партій и стремленіе приносить интересы государства въ жертву интересамъ отдѣльныхъ фракцій усились за послѣднія сорокъ лѣтъ (Schöff., Parl., 8).

Въ современныхъ парламентахъ все дѣлается въ интересахъ отдѣльныхъ партій; законы издаются не такіе, которые необходимы для общаго блага, а тѣ, которые выгодны господствующей въ парламентѣ партіи (Walck., Gef., 5); свобода существуетъ лишь для друзей (см Р. М., 1902, II, 42), противникамъ же своимъ, остающимся въ меньшинствѣ, господствующая парламентская партія кричитъ „vae victis!“ (Pell., Parl., 169).

Если борьба за существованіе между отдѣльными индивидуумами въ современномъ человѣчествѣ приняла болѣе или менѣе мягкія формы по сравненію съ этой

борьбою въ мірѣ животныхъ, то между цѣлыми классами и партіями борьба и до сихъ поръ ведется еще самыми грубыми и жестокими способами (Öff., Parl., 10). Правда, на словахъ парламентскіе дѣльцы ни о чемъ иномъ не заботятся, какъ только о благѣ народа, и ничего другого не желаютъ, какъ только осуществить волю народа; но это лишь на словахъ, на дѣлѣ же происходитъ борьба партій за власть (Schöff., Parl., 4), и дѣятельность парламентовъ сплошь и рядомъ идетъ въ разрѣзъ съ интересами страны и даже съ общественнымъ мнѣніемъ: напримѣръ, въ 1894 г. большинство въ англійской палатѣ общинъ стояло за ирландскій гомъ-руль, но общественное мнѣніе было рѣшительно противъ: въ германскомъ рейхстагѣ въ 1895 году большинство высказалось за отмѣну закона о іезуитахъ, а общественное мнѣніе до сихъ поръ — противъ этой отмѣны; и т. д. (Walck., Gef., 19).

Необходимость прикрыть эгоистическія, антигосударственныя стремленія громкими фразами о благѣ общемъ— ведетъ къ тому, что въ парламентахъ царитъ болтовня (Advokatengeschwätz) вмѣсто дѣла (Öff., Parl, 6); „tout le monde est pour gesticuler, bavarder, démoraliser, desorganiser. Pour légiférer—personne“ (Sén., Parl., 29). Громкія, крикливыя фразы Жюля-Фавра — „ни пяди нашей земли, ни кирпича нашихъ крѣпостей“! и Гамбетты — „ни одного иностранца во Франціи“! — стали классическими послѣ уступки Эльзаса и Лотарингіи, пятимилліардной контрибуціи и германской оккупаціи до ея уплаты (Sén., Parl., 14). Благодаря этой парламентской болтовнѣ и всякому шарлатанству, парламенты безсильны создать что-либо крупное, истинно-великое (Zenk., Ref., 26).

Къ парламентскому лганью присоединяется лганье газетное (Hol., Ach., 12). Считая, что для достиженія побѣды всѣ средства хороши (Pell., Parl., 169), парламентскія партіи прибѣгаютъ къ услугамъ періодической печати и такимъ образомъ вводятъ въ организмъ государственнаго правленія новый и весьма вредный элементъ (Hol., Ach., 9). Все это вмѣстѣ взятое приводитъ къ такимъ результатамъ, которые во Франціи, напримѣръ, характеризуются весьма короткой фразой—„La 3-me république... c'est... une bâtarde menteuse“ (Sén., Parl., 24). Рѣдко-рѣдко парламент-

скій дѣлецъ обмолвится правдой именно лишь тогда, когда это полезно его партіи (Pell., Parl, 168) Интересы партіи—это Молохъ, которому все приносится въ жертву. Бисмаркъ говорилъ, что партія прощаетъ всякую ложь и всяческія глупости, лишь бы онѣ были въ интересахъ партіи, и партійные дѣльцы думаютъ не объ истинѣ и не объ интересахъ страны, а лишь о томъ, какъ бы не разойтись въ мнѣніи съ своей партіей (Schöff., Parl., 9, 8)

Нельзя, конечно, отрицать, что борьба въ пользу введенія представительнаго правленія ведется нерѣдко изъ благороднаго побужденія — освободиться отъ тиранiи; но этотъ либерализмъ, какъ только цѣль достигнута, и представительное правленіе введено, тотчасъ же превращается въ стремленіе политикановъ самимъ сдѣлаться тиранами (Off., Fan., 19). Какъ только извѣстная партія одержала побѣду, тотчасъ начинается притѣсненіе политическихъ противниковъ (Walck., Gef, 5); интересы меньшинства попираются съ нескрываемымъ презрѣніемъ (Walck., Gef., 20); не менѣе безцеремонно торжествующая партія относится вообще къ закону и переступаетъ границы его, совершенно не стѣсняясь (Off., Parl , 6); единственный лозунгъ современныхъ политическихъ партій—произволъ (Off, Parl, 62).

Парламентское правленіе есть многоголовая тиранія, тиранія большинства (Schöff., Parl., 26; Off., Parl., 40).

Если бы—*большинства*! Тогда все-таки торжествовалъ бы хоть какой-нибудь, хоть ложный принципъ. На дѣлѣ, однако, даже и этотъ принципъ ниспровергается.

Принципъ подчиненія большинству есть ложный принципъ, ибо предполагаетъ ошибочную посылку, будто истина всегда на сторонѣ большинства

Но что же приходится сказать, когда подъ именемъ большинства меньшинство навязываетъ вамъ свою волю?

А между тѣмъ побѣда меньшинства на выборахъ — дѣло обычное „questo caso si può dire ormai ordinario“ (Pell. Parl., 201); парламентское большинство очень часто представляетъ собою меньшинство избирателей (Spr., Mehrh., 9) и, притомъ, меньшинство — ничтожное (Schöff., Parl., 26). Въ Австріи, напримѣръ, половина избирателей не пользуются своимъ избирательнымъ правомъ, питая отвраще-

ніе къ механизму и пріемамъ избирательной кампаніи и парламентской борьбы; остальная половина избирателей подпадаетъ вліянію политическихъ кондотьеровъ, выбираетъ заранѣе ими намѣченнаго кандидата—ничтожнымъ большинствомъ (mit einer verschwindend kleiner Minorität): такимъ образомъ депутатъ можетъ быть избранъ половиною голосующихъ избирателей плюсъ единица, что составитъ одну четверть всѣхъ избирателей; избранные одною четвертью голосовъ депутаты составляютъ парламентъ и рѣшаютъ дѣла по большинству голосовъ — и такимъ образомъ, подъ видомъ большинства, представители одной восьмой всѣхъ избирателей навязываютъ свою волю остальнымъ $^7/_8$ избирателей (Schöff., Parl., 26—27). А такъ какъ число избирателей при всеобщемъ голосованіи, примѣрно, въ пять разъ меньше всей численности населенія, то выходитъ, что, подъ видомъ большинства, судьбою страны распоряжаются представители одной сороковой части всего населенія.

Во Франціи въ началѣ 90-хъ годовъ XIX столѣтія депутаты были избраны въ палату четырьмя съ половиною милліонами голосовъ; число голосовъ, поданныхъ за кандидатовъ, оказавшихся не избранными, плюсъ голоса лицъ, воздержавшихся отъ участія въ выборахъ, составляло около шести милліоновъ (Sén., Par., 25). Разложите 4 милліона, это меньшинство, претендующее представлять собою всю Францію, и вы найдете, что имъ руководила горсть парламентскихъ дѣльцовъ (Sén., Parl., 28—29), а за этой горстью стоитъ нѣсколько іудейскихъ банкировъ, рѣшающихъ судьбы Франціи; 38 милліоновъ французовъ находятся у нихъ въ рабствѣ (Sén., Parl., 30—31). Конечно, интересы этихъ воротилъ не имѣютъ ничего общаго съ интересами Франціи, и потому въ наше время передъ политическимъ дѣятелемъ во Франціи стоитъ дилемма— „être antisémite ou antifrançais“ (Sén., Parl., 32).

И вотъ, избранники меньшинства входятъ въ парламентъ на правахъ представителей всего народа. Въ парламентѣ продолжается борьба партій, начавшаяся во время выборовъ, и побѣдившая партія всячески угнетаетъ побѣжденныхъ.

Давленіе беззастѣнчиваго произвола парламентскаго

большинства настолько тяжело чувствуется меньшинствомъ, что послѣднее изобрѣло особую тактику, такъ-называемую обструкцію, имѣющую цѣлью сдѣлать парламентскую работу невозможной или, по крайней мѣрѣ, жестоко затруднить ее (Spr., Mehrh., 10) Впервые испробована была тактика обструкціи въ англійскомъ парламентѣ въ концѣ семидесятыхъ годовъ ирландскими депутатами; три года продолжалась борьба; послѣ выборовъ 1881 года она стала еще ожесточеннѣе, такъ какъ въ парламентъ вошло больше депутатовъ-обструкціонистовъ, чѣмъ ранѣе, и во главѣ ихъ сталъ Парнелль. Обструкція была, конечно, побѣждена, такъ какъ большинство все-таки остается большинствомъ, а спикеръ и парламентъ имѣютъ довольно сильную дисциплинарную власть по отношенію къ отдѣльнымъ депутатамъ (Zenk., Ref., 14). Тѣмъ не менѣе обструкція еще разъ примѣнялась къ палатѣ общинъ, именно въ 1893 г., при обсужденіи билля объ ирландскомъ гомъ-рулѣ Затѣмъ такія же попытки были въ Австріи, Венгріи, Италіи и Германской Имперіи (Zenk., Ref., 15). Само собою разумѣется, что вездѣ меньшинство, въ концѣ-концовъ, должно было подчиниться, такъ какъ при голосованіи большинство несомнѣнно одолѣетъ, а задерживающая тактика меньшинства парализуется разнообразными дисциплинарными мѣрами, въ особенности же примѣненіемъ такъ-называемой „парламентской гильотины“; этотъ маневръ состоитъ въ томъ, что большинство опредѣляетъ заранѣе день, когда должно произойти голосованіе законопроекта, хотя бы къ этому времени не всѣ ораторы высказались и не всѣ поправки были разсмотрѣны (Eichth., Souv., 227—228, note). Такимъ способомъ, напримѣръ, была побѣждена обструкція въ палатѣ общинъ, въ 1893 году, предпринятая противниками Гладстоновскаго билля объ ирландской автономіи. Примѣненіе маневра обструкціи, безполезное само по себѣ, показываетъ лишь отчаяніе, до котораго могутъ дойти люди подъ давленіемъ многоголовой парламентской тираніи.

Служеніе интересамъ партіи не исчерпывается, конечно, изданіемъ законовъ, полезныхъ и выгодныхъ для партіи вообще; *господствующая партія* обезпечиваетъ и

отдѣльнымъ своимъ членамъ всевозможныя выгоды—законныя и незаконныя; каждая партія является въ парламентѣ жадною до *должностей и всякаго рода добычи*—amterhungig und beutegierig (Schöff., Parl., 22). Прежде всего раздаются мѣста наиболѣе усернымъ членамъ партіи за ихъ „полезную“ дѣятельность (Off., Parl. 65); число такихъ партійныхъ ставленниковъ нерѣдко бываетъ огромно; напримѣръ, президентъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ Джексонъ, какъ только вступилъ въ должность—немедленно уволилъ *всѣхъ* чиновниковъ противныхъ партій и посадилъ своихъ (Pell., Parl., 169). Или, напримѣръ, въ Нью-Іоркѣ въ 90-хъ годахъ было до 27000 различныхъ муниципальныхъ служащихъ, и всѣ они, почти безъ исключенія, были ставленниками политическаго общества Таммани (Stead, Ib., 46).

Само собой разумѣется, что всѣ партійные ставленники дѣйствуютъ не въ интересахъ государства или населенія вообще, а исключительно въ интересахъ своей партіи; и можно себѣ представить, какому извращенію, какимъ передержкамъ подвергается публичное право въ рукахъ такихъ господъ; всѣ законы искажаются произвольными толкованіями, и въ правовую жизнь страны вносится полное разложеніе (Stead., Sat., 67; Off., Parl., 65).

Затѣмъ начинается погоня *за наживой;* стремленіе къ обогащенію своихъ сочленовъ есть обычное явленіе въ жизни парламентскихъ партій (Off., Parl., 16). Создаются синекуры (Walck., Gef., 5); государственные налоги, повинности и вообще всѣ тягосы взваливаются по мѣрѣ возможности на другихъ, для себя же и своихъ присныхъ парламентскіе дѣльцы стремятся обезпечить всѣ возможныя выгоды (Off., Parl., 57); все и всѣхъ, вплоть до министровъ, подчиняютъ они своей волѣ, для себя же не признаютъ никакихъ обязанностей, а лишь одни права (Off., Parl., 61, 68).

Не довольствуясь „законными“ средствами обогащенія, каковы непотизмъ, раздача синекуръ, концессій, привилегій и т. д., этимъ *господствующая партія* прибѣгаетъ и ко всякимъ незаконнымъ средствамъ облагодѣтельствованія—освобождаетъ своихъ членовъ и ихъ близкихъ отъ *воинской повинности* (Walck, Gef., 5), *оцѣниваетъ*, для

взиманія налоговъ, имущества ихъ много ниже дѣйствительной стоимости и т. д. и, наконецъ, не останавливается передъ самымъ обыкновеннымъ воровствомъ; французы говорятъ, что воровство значится въ порядкѣ дня въ палатѣ депутатовъ—„Le vol est à l'ordre du jour“ (Sén., Parl., 31). Чтобы понять, что это—не преувеличеніе, достаточно вспомнить знаменитую „Панаму“, исторію акціонернаго общества для прорытія Панамскаго перешейка, когда милліарды были раскрадены при участіи парламентскихъ воротилъ, подъ благосклоннымъ попустительствомъ палаты депутатовъ.

Въ Австріи нѣчто подобное имѣло мѣсто въ концѣ 60-хъ годовъ XIX столѣтія. Подъ эгидой недавно насажденнаго парламентаризма, разыгралась цѣлая вакханалія биржевыхъ и банковыхъ спекуляцій, закончившаяся, какъ всегда бываетъ, крахомъ, послѣ чего рейхсратъ вотировалъ кредитъ въ 80 милліоновъ гульденовъ „на уврачеваніе тяжелыхъ послѣдствій краха“ (zur Sanierung der durch den Börsenkrach hervorgerufenen finanziellen und wirthschaftlichen Déroute). Это были, конечно, лишь слова, потому что восемьюдесятью милліонами нельзя изгладить послѣдствій краха съ потерями въ нѣсколько сотъ милліоновъ; на самомъ дѣлѣ, деньги пошли въ карманы парламентскихъ, банковскихъ и биржевыхъ дѣльцовъ, притворявшихся, будто и они пострадали отъ краха (Schöff., Parl., 15—19).

Помимо всякаго рода льготъ, поблажекъ и денежныхъ подачекъ, господствующая партія обезпечиваетъ своимъ членамъ *безнаказанность преступленій* (Walck., Gef., 5) и возможность продолжать преступную дѣятельность и впредь.

Напримѣръ, *въ Италіи* въ 1866 и 1867 годахъ *парламентъ явно покровительствовалъ* незаконнымъ выпускамъ бумажныхъ денегъ. Объединеніе Италіи принесло новому королевству 2.242.000.000 лиръ долговъ прежнихъ правительствъ; войны объединенія стоили очень дорого; новое правительство объединенной Италіи должно было прежде всего озаботиться организаціей національной обороны, на что потребовались огромныя средства; все это вмѣстѣ взятое привело къ тяжкимъ финансовымъ затрудненіямъ, и 1 мая 1866 г. объявленъ былъ принудитель-

КОММУН АКАД

ный курсъ бумажныхъ денегъ, каковыми признаны билеты Banca Nazionale. Тотчасъ же появился лажъ на металлическія деньги, средства къ жизни вздорожали, ввозъ сократился на 40%, металлъ сталъ отливать изъ Италіи, и за границу ушло не только золото (часть золота осталась въ рукахъ населенія, но была извлечена изъ обращенія), но даже и серебряная и мѣдная размѣнная монета. Отсутствіе размѣнной монеты страшно угнетало мелкую торговлю, такъ что муниципіи, промышленные союзы, купцы—выпускали въ обращеніе билеты, которые и ходили какъ деньги.

Это было незаконно и для финансовъ государства вредно, но когда министръ финансовъ Мингетти внесъ въ палату проектъ упорядоченія дѣла выпуска мелкихъ билетовъ, то парламентъ не сталъ и разсматривать его, а прямо перешелъ къ другимъ дѣламъ.

Въ 1867 году министръ финансовъ, Камбрэ-Диньи, вошелъ въ палату съ проектомъ упорядоченія билетнаго обращенія вообще; палата сдала проектъ въ комиссію, а докладъ комиссіи начала слушать въ 1868 г, да такъ и не кончила.

Въ 1883 году въ Италіи было возстановлено, съ большимъ трудомъ и расходами, металлическое обращеніе, но дѣло выпуска банковыхъ билетовъ осталось не упорядоченнымъ—банки выпускали ихъ страшно много. *Золото стало* отливать за границу. Въ 1887 г. общественное мнѣніе встревожилось; депутатъ Франкетти внесъ предложеніе по этому вопросу; въ такомъ же смыслѣ, какъ Франкетти, высказалась постоянная комиссія по упорядоченію денежнаго обращенія. Что же сдѣлала палата? Палата *вотировала простой переходъ къ очереднымъ дѣламъ*! Въ результатѣ почти *все золото ушло за границу*, и появился лажъ; другими словами—уничтожены результаты трудной и дорого стоящей, необходимой для страны реформы денежнаго обращенія 1883 г. (Grunw. H. Zw.-K.). Но бываютъ случаи еще болѣе удивительные, доходящіе до курьеза; когда палата находитъ нежелательнымъ какое-нибудь мѣропріятіе, она не останавливается *даже передъ отрицаніемъ факта*, обусловливающаго необходимость этого мѣропріятія. Напримѣръ, въ началѣ XIX столѣтія

въ Англіи возникли финансовыя затрудненія вслѣдствіе вздорожанія золота и серебра; былъ учрежденъ *особый парламентскій комитетъ—комитетъ о слиткахъ* (bullion-comitee); компетентныя лица доказывали, что вздорожаніе драгоцѣнныхъ металловъ зависитъ отъ излишняго выпуска банковыхъ билетовъ, и что слѣдуетъ принять мѣры къ упорядоченію этого дѣла; но парламентъ не пожелалъ принять никакихъ мѣръ и постановилъ, что всеобщая тревога напрасна, *и что золото и серебро не вздорожали!*

Благодаря всѣмъ вышеуказаннымъ особенностямъ парламентаризма получается такое положеніе дѣлъ, что вмѣсто законодательной работы парламенты занимаются обструкціей, запросами и сверженіемъ министровъ (Eichth, Souv., 254). Во Франціи алчность парламентскихъ дѣльцовъ до должностей, почестей и синекуръ привела къ тому, что со времени учрежденія третьей республики свергнуто болѣе *трехсотъ* министерствъ, а необходимыя, важныя реформы откладываются въ долгій ящикъ (Schöff., Parl., 3—4). Сверженіе министерствъ является для парламентаріевъ чѣмъ-то въ родѣ спорта (Walck., Gef, 5); законопроекты вносятся и вотируются не ради самихъ законовъ, а ради сверженія министерства (Sén. Parl., 30), и все это дѣлается съ такой поспѣшностью, что сами депутаты не способны вдуматься въ степень важности совершающагося и оцѣнить возможныя послѣдствія (Eichth., Souv., 254).

Партійность—это болѣзнь вѣка, червь, грызущій современное общество (Pell., Parl., 166).

Вездѣ, въ Италіи, какъ и во Франціи, духъ партійности обусловливаетъ и вызываетъ преступленія въ пользу своихъ, насилія надъ противниками, всяческіе обманы и притворства, вѣроломство, ловушки, нарушенія честнаго слова и т. д., и т. д.,—и все это ради грязнаго чудовища, именуемаго политической партіей (Pell., Parl., 170).

Сторонники парламентаризма не могутъ отрицать всѣ перечисленные и имъ подобные факты. но заявляютъ, что причина зла лежитъ не въ самомъ парламентаризмѣ, а лишь въ недостаткахъ организаціи, именно въ несовершенствѣ выборной системы. При господствѣ современной системы выборовъ по большинству, дѣйствительно, гово-

рятъ парламентаріи, возможна тиранія большинства, такъ какъ меньшинство, хотя бы и очень значительное, хотя бы равное половинѣ всѣхъ избирателей минусъ единица, вовсе не получаетъ представителей. Но если для меньшинства будетъ, путемъ введенія пропорціональной системы выборовъ, обезпечена возможность имѣть представителей, то дѣло представится совсѣмъ въ иномъ видѣ: всякая сколько-нибудь значительная группа избирателей, не меньшая частнаго, происходящаго отъ дѣленія общаго числа избирателей на общее число депутатовъ, получитъ возможность послать въ палату извѣстное, пропорціональное своей численности, количество депутатовъ. Положимъ— численность группъ избирателей будетъ 40000, 30000, 20000 и 10000, и надо послать въ палату 100 депутатовъ; тогда первая партія имѣетъ право послать 40 человѣкъ, вторая 30, третья 20, четвертая 10. При такихъ условіяхъ ни одна партія не будетъ имѣть большинства въ парламентѣ; имъ придется итти на компромиссы, группироваться между собою, и въ результатѣ такихъ компромиссовъ получится общее благо, потому что компромиссъ возможенъ лишь на почвѣ такихъ мѣропріятій, которыя полезны и выгодны всѣмъ или, по крайней мѣрѣ, подавляющему большинству.

Однако, вся эта аргументація оказывается лживою, и вся сложная механика пропорціональныхъ выборовъ— безполезною.

Опытъ конституціонныхъ государствъ показываетъ, что въ результатѣ компромиссовъ партій получаются выгоды для каждой отдѣльной партіи, а не для всего народа, наоборотъ, вмѣсто общаго блага — получается общее зло; крупныя партіи, чтобы обезпечить себѣ большинство, дѣлаютъ уступки сепаратнымъ интересамъ мелкихъ партій, и такимъ образомъ частные интересы цѣлаго ряда партій получаютъ удовлетвореніе, а объ общемъ интересѣ никто не заботится (Zenk., Ref., 56). Напримѣръ, недавно мы видѣли, какъ въ Германскомъ Рейхстагѣ аграріи, чтобы провести выгодныя для себя высокія таможенныя пошлины на хлѣбъ, привлекли на свою сторону ультрамонтановъ (католическая партія) цѣною довольно крупныхъ уступокъ въ законахъ о іезуитахъ (Zenk., Ref., 61). Такіе компро-

миссы, повторяющіеся на каждомъ шагу въ видѣ временныхъ, случайныхъ группировокъ, „блоковъ“ самыхъ разнообразныхъ партій, сдѣлали изъ парламентовъ настоящія торжища—luogni di traffico (Zenk., Ref., 57; Eichth, Souv., 239).

Случайныя временныя коалиціи партій представляютъ собою величайшее зло современнаго парламентаризма и страшно затрудняютъ работу всякаго, хотя бы самыми лучшими намѣреніями одушевленнаго правительства. Широкія задачи, обширные замыслы, даже просто-на-просто заботы о будущемъ, сколько-нибудь отдаленномъ—приходится игнорировать; въ стремленіи обезпечить себѣ большинство — правительство хитритъ, маневрируетъ, пробирается окольными путями, раздаетъ подачки и дѣлаетъ уступки, вредъ которыхъ само отлично сознаетъ, и жертвуетъ мѣропріятіями, полезность которыхъ очевидна (Eichth., Souv., 232—233, 239).

Въ Англіи давно уже существуетъ запрещеніе взаимныхъ уступокъ между правительствомъ и парламентомъ, такъ-называемыхъ tancking dills: парламентъ не имѣетъ права давать свое согласіе на взиманіе налоговъ подъ условіемъ, чтобы правительство взамѣнъ сдѣлало то и то. Но само собою разумѣется, что этотъ законъ весьма легко и удобно обходится (Walck, Gef, 5).

Такимъ образомъ наличность взаимно-противорѣчивыхъ стремленій различныхъ партій въ парламентѣ убиваетъ въ немъ всякую энергію (Off., Parl., 5), особенно въ государствахъ съ разноплеменнымъ составомъ населенія, какъ, напримѣръ, въ Австріи (Schöff., Parl., 11).

Партійная организація, какъ необходимое условіе парламентскаго государственнаго устройства, партійная тактика въ палатѣ, партійная агитація на выборахъ — неизбѣжно обусловливаютъ низкій уровень личнаго состава палатъ такъ-называемыхъ народныхъ представителей

Истинные патріоты и достойные люди питаютъ отвращеніе къ пріемамъ партійной борьбы и партійной тактики, и потому не идутъ въ депутаты (Fava, Princ., 47; Schöff., Parl., 26); вслѣдствіе этого въ парламенты попадаютъ далеко не лучшіе люди; очень часто масса избирателей поддается обѣщаніямъ льстецовъ, которые выискиваютъ

слабую струну обывателя и играютъ на самыхъ грубыхъ и низкихъ инстинктахъ — жадности, своеволіи и т. д. (Zenker, Ref., 20—22). Уже Токвиль жаловался, что лучшіе люди держатся въ сторонѣ отъ парламентской жизни (Ibid): Лекки въ своей книгѣ „Democraty and Liberty", 1896, говоритъ, что въ парламентскіе депутаты слишкомъ часто попадаютъ не люди, достойные довѣрія страны, а просто авантюристы (см Chim., Vita, 301, 322—323), которые на выборахъ не брезгуютъ никакими средствами и обѣщаютъ избирателямъ всякія блага, заранѣе хорошо понимая неисполнимость этихъ обѣщаній (Fava, Princ., 42), а въ парламентѣ прикрываютъ свое гешефтмахерство громкими звучными фразами о благѣ народа. Въ хорошихъ словахъ никогда нѣтъ недостатка, и, чѣмъ безсовѣстнѣе дѣлецъ, чѣмъ онъ беззастѣнчивѣе приноситъ общее благо въ жертву личнымъ и партійнымъ интересамъ, тѣмъ съ большимъ рвеніемъ разыгрываетъ онъ роль радѣтеля о благѣ народа (Hol., Ach., 8 Pell, Parl., 5—6). Никто, кажется, такъ громко не взывалъ къ свободѣ, чести, честности и народному благу, какъ представители Нью-Іоркскаго политическаго общества Таммани, прославившагося своими колоссальными злоупотребленіями, мошенничествами и грабежами; напримѣръ, нѣкто мистеръ Кохранъ, одинъ изъ членовъ *Таммани*, выражался въ своихъ рѣчахъ такъ: „если въ народѣ начинается деморализація, то свобода становится отравою, проклятіемъ, разрушеніемъ всякаго порядка; деморализація грозитъ гибелью республикѣ—гибелью немедленною, ужасною и непоправимою; въ исторіи нѣтъ примѣровъ спасенія общества, гибнущаго отъ деморализаціи!" (Stead, ib., 43—44).

Американцы, путемъ горькаго опыта, пришли къ непоколебимому убѣжденію, что всякое выборное должностное лицо при первой же возможности начинаетъ воровать—„that the elect of the people is certain to steal if he gets a chance (Stead., ib, 166), и теперь заняты изобрѣтеніемъ такой формы муниципальнаго управленія, при которой было бы невозможно воровство (Stead., ib., 167)

Французы съ отчаяніемъ воспоминаютъ, что въ 1870 г. были „патріоты", радовавшіеся успѣхамъ германскаго оружія; патріотизмъ нашихъ парламентскихъ дѣльцовъ, го-

ворятъ они—„c'est le sang des autres, c'est l'argent des autres, c'est la misère des autres (Sén., Parl, 35, 15, 16).

Помимо недобросовѣстности парламентскихъ дѣльцовъ —поразительно еще ихъ невѣжество. Бисмаркъ отмѣчаетъ заносчивость парламентаріевъ, которые воображаютъ себя знающими все лучше спеціалистовъ (Schöff., Parl., 8) а между тѣмъ какъ часто оказываются они полными невѣждами въ вопросахъ, которые берутся обсуждать и рѣшать (Off, Fan, 33)

Наконецъ, нельзя не отмѣтить того негодованія, съ которымъ европейцы отзываются о грубости, отсутствіи порядочности и элементарной цивилизаціи у парламентскихъ дѣльцовъ; депутаты германскаго Рейхстага считаютъ правила чести и вѣжливости въ парламентѣ для себя не обязательными (Shöff, Parl, 10—11): депутаты австрійскаго Рейхсрата ведутъ себя въ засѣданіяхъ хуже, чѣмъ въ кабакѣ (in gemeinsten und widerlichsten öbelkneibengelagen; Schöff. Parl., 22). Сигэлэ, изслѣдуя психологію парламентовъ, пришелъ къ заключенію, что эта психологія есть психологія женщины—и притомъ истерички (Sigh., C. P., 34).

И такія-то собранія рѣшаютъ судьбу государствъ и народовъ и считаютъ себя великими законодателями—вѣдь такъ лестно мечтать войти въ пантеонъ всемірной исторіи подъ руку съ Солономъ и Ликургомъ (Zenk., Ref., 69); на самомъ же дѣлѣ время въ парламентѣ тратится на пустяки, а законодательство испытываетъ хроническій застой (см. М. Б. 1899, I, 99).

Такъ какъ парламентъ оказываетъ огромное вліяніе на жизнь страны, то можно себѣ представить, какое развращающее дѣйствіе на населеніе производитъ такой составъ представительныхъ палатъ.

Парламентаризмъ ведетъ къ упадку нравственности и развращенію народа, говоритъ Шёффель, тридцать лѣтъ состоявшій депутатомъ австрійскаго Рейхсрата (Schöff., Parl., 27); нравственное разложеніе французскаго народа есть несомнѣнный фактъ, и этимъ Франція обязана парламентаризму (Schöff., Parl., 4). Парламентъ—не школа гражданина, какъ утверждаютъ нѣкоторые, а источникъ

нравственной заразы и политическаго одичанія (Zenk., Ref., 23, 24, 93; Off., Parl., 6).

Въ особенности деморализующее вліяніе оказываютъ *пріемы предвыборной* компаніи: выраженіе „на выборахъ все позволено", стало стереотипной фразой (Chim, Vita, 137). Нодлей, въ своей книгѣ „France", такъ описываетъ предвыборную кампанію *во Франціи:* „Все дѣло находится въ рукахъ кучки спеціалистовъ, мастеровъ избирательнаго искусства Они составляютъ списки избирателей, по произволу мѣняя на бумагѣ мѣста ихъ жительства, вписывая покойниковъ, вычеркивая живыхъ и снабжая гражданскими правами лицъ безправными по суду и т. д.". Затѣмъ кандидатъ въ депутаты начинаетъ выпускать газету, исключительно на время выборовъ. Всѣ номера очень искусно направлены къ одной цѣли: подъ всевозможными соусами и съ особенно пикантнымъ вкусомъ подать избирателю намѣченное имя. Передовая статья, хроника, фельетонъ, вездѣ царство одного и того же господина, признаннаго благодѣтеля края". Далѣе „на помощь газетѣ являются ораторы, спеціально выдрессировавшіе себя для выборныхъ агитацій Ихъ услуги принадлежатъ всякому желающему. Ораторъ даже не живетъ въ данномъ округѣ, онъ путешествуетъ по всей странѣ, будто странствующій артистъ". Помимо всего „клевета есть самый обычный пріемъ политической борьбы во Франціи" (см. М. Б., 1899, I, 96—97).

Прекрасную, въ этомъ же родѣ, картину выборовъ во Франціи, набросанную мастерски и съ большимъ юморомъ, даетъ Поль Сенека (Sén, Parl, 26—28).

Весьма дѣйствительнымъ средствомъ партійной борьбы *являются угрозы избирателямъ* какъ со стороны государственныхъ чиновниковъ, принадлежащихъ къ господствующей въ данную минуту партіи, такъ и со стороны всякихъ другихъ партій—ультрамонтановъ, соціалистовъ и т. д. (Walck., Gef., 4).

Еще болѣе могущественнымъ средствомъ воздѣйствовать на избирателей является *подкупъ*.

О подкупахъ избирателей и депутатовъ парламента западно-европейскіе писатели говорятъ, какъ объ обстоятельствахъ обычныхъ и прекрасно всѣмъ извѣстныхъ (см.,

напр., Walck. Gef., 5; Chim. Vita, 133; Sén. Parl, 28; Zenk., Ref, 18). Любопытное признаніе сорвалось *у одного французскаго министра финансовъ*, когда его стали въ палатѣ шумно упрекать по подозрѣнію въ прикосновенности къ панамскимъ хищеніямъ: „*безъ этого васъ не было бы здѣсь!*“ воскликнулъ онъ; „sans celà .. vous autres, qui criez le plus fort, vous ne seriez pas ici“ (Sén., Parl, 28).

Наконецъ, когда всѣ средства предвыборной агитаціи исчерпаны, на сцену являются *подлоги и фальсификація самыхъ выборовъ* (Walck., Gef., 4; Sen, Parl, 33; М. Б. 1899, I, 96) Разительнѣйшіе примѣры фальсификаціи выборовъ и всяческихъ безобразій и насилій даютъ разоблаченія дѣятельности Нью-Іоркскаго политическаго общества Таммани, сдѣланныя комиссіей сенатора Lexow'a.

Изслѣдованія этой комиссіи показали, что въ огромномъ числѣ избирательныхъ округовъ Нью-Іорка были примѣняемы всѣ преступныя средства, какія только можно вообразить, въ цѣляхъ стѣсненія свободы выборовъ и обезпеченія побѣды демократическому обществу Таммани: арестъ республиканскихъ избирателей *) и самое грубое и жестокое съ ними обращеніе при этомъ (brutal treatment); арестъ агентовъ и уполномоченныхъ этой партіи при выборныхъ комиссіяхъ; открытыя нарушенія избирательныхъ законовъ въ пользу кандидатовъ Таммани; нападенія на избирательныя комиссіи въ ихъ помѣщеніяхъ; прямыя насилія агентовъ Таммани надъ республиканскими избирателями; общее запугиваніе республиканскихъ избирателей полиціей Нью-Іорка, которая, будучи полиціей муниципальной, а не государственной, почти вся цѣликомъ состояла изъ членовъ Таммани; незаконное перечисленіе избирателей изъ однихъ округовъ въ другіе,—такъ-называемая colonisation of voters; незаконныя, невѣрныя записи и регистраціи и т. д., и т. д., и все, конечно, въ пользу Таммани (Stead Ib., 151).

Слѣдствіе комиссіи Lexow'a надъ злоупотребленіями Таммани обнимаетъ собою данныя за цѣлый рядъ лѣтъ,

---

*) Какъ извѣстно, въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ существуютъ двѣ большія политическія партіи—демократы и республиканцы; общество *Таммани примыкаетъ къ демократамъ*.

свидѣтельствующія, что за все это время правильныхъ выборовъ (honest elections—говоритъ комиссія) въ Нью-Іоркѣ не было, при чемъ выборными злоупотребленіями, это особенно любопытно, одинаково грѣшили и демократическая и республиканская партія (Stead., Ib., 151—152).

Наиболѣе употребительнымъ пріемомъ фальсификаціи выборовъ является *набиваніе* избирательныхъ ящиковъ подложными избирательными записками—ballot-stuffing. Во всѣхъ округахъ,—исключеній почти не было,—въ избирательныхъ ящикахъ оказывалось избирательныхъ записокъ болѣе, чѣмъ зарегистрировано избирателей, явившихся подать голосъ; и въ очень многихъ округахъ количество избирательныхъ записокъ, вынутыхъ изъ ящиковъ, оказывалось болѣе всего числа избирателей въ данномъ округѣ! Достигалось это или путемъ подачи избирателями партіи Таммани вмѣсто одной записки—двухъ или нѣсколькихъ, сложенныхъ вмѣстѣ, избирательныхъ записокъ; или просто—избирательная комиссія, вынимая записки изъ ящика, брала со стола и присоединяла къ нимъ еще цѣлыя груды заранѣе сфабрикованныхъ записокъ (Stead., Ib, 152). Въ одномъ избирательномъ округѣ (26-th Election Distlict of the 2-nd Assembly District) изъ 12770 поданныхъ избирательныхъ записокъ—5000 были фальшивыя; въ другомъ округѣ (7-th Election District of the 3-d Assembly District) 567 избирательныхъ записокъ были найдены въ ящикѣ, между тѣмъ какъ общее число избирателей этого округа,—только 508 (Stead., Ib., 152—153).

Повторное поданіе избирательныхъ листовъ и поданіе ихъ отъ чужого имени—явленіе почти всеобщее (were almost universal). За нѣсколько дней до выборовъ *агенты Таммани* обходятъ хозяевъ меблированныхъ комнатъ и записываютъ имена и фамиліи ихъ жильцовъ; затѣмъ ко дню выборовъ заготовляется потребное число избирательныхъ записокъ съ именами кандидатовъ Таммани, и эти записки раздаются первымъ попавшимся оборванцамъ, „трампамъ“, какъ ихъ называютъ въ Соединенныхъ Штатахъ; каждому сообщается имя, подъ которымъ онъ долженъ явиться въ избирательную комиссію, а также, конечно, извѣстная мзда; трампы идутъ и подаютъ избирательныя записки, при чемъ нерѣдко или забываютъ данное имя, или же-

стоко перевираютъ его, если имя англійское, а трампъ оказывается какимъ-нибудь итальянцемъ или евреемъ; но что за бѣда—въ избирательныхъ комиссіяхъ работаютъ члены того же Таммани, и дѣло идетъ скоро и гладко. Если трамповъ мало, то одинъ и тотъ же субъектъ подаетъ въ нѣсколько пріемовъ нѣсколько избирательныхъ записокъ подъ разными именами. Извѣстенъ случай, когда трампы держали пари, кто больше подастъ избирательныхъ записокъ; побѣдилъ недавно выпущенный изъ тюрьмы рецедивистъ, который при благосклонномъ содѣйствіи Таммани ухитрился подать 18 избирательныхъ записокъ въ двухъ округахъ (Stead., Ib, 153).

И все это дѣлалось *на глазахъ полиціи*, которая не только пальцемъ не двигала для предупрежденія злоупотребленій, но даже прямо имъ содѣйствовала. Напримѣръ, нѣкто г-нъ Эллисъ, членъ избирательной комиссіи въ одномъ изъ округовъ Нью-Іорка (5-th Election District of the Third Assembly), разсказалъ комиссіи Lexow'a нѣсколько случаевъ, когда на прямое указаніе, сдѣланное имъ полицейскому офицеру и подкрѣпленное другими свидѣтелями, что данное лицо явилось подавать вторую или третью избирательную записку, полицейскій офицеръ или смотрѣлъ въ потолокъ и ничего не отвѣчалъ, или отвѣчалъ „не ваше дѣло“. А однажды нѣкто г-нъ Розальскій поймалъ въ избирательномъ участкѣ во время подачи голосовъ какого-то субъекта, который подавалъ избирательную записку, назвавшись его, Розальскаго, именемъ. Розальскій схватилъ его за шиворотъ, но въ это время подбѣжали трое членовъ Таммани и ударили Розальскаго нѣсколько разъ по лицу; Розальскій позвалъ полицейскаго офицера, который, ничего не дѣлая, стоялъ тутъ же, но полицейскій офицеръ отвѣчалъ: „сейчасъ мнѣ некогда, приходите ко мнѣ въ четыре часа, я тогда буду свободнѣе“; члены Таммани опять начали бить Розальскаго, и лишь тогда полицейскій снизошелъ до заступничества, освободилъ Розальскаго изъ ихъ рукъ и посовѣтовалъ ему по добру, по здорову убираться (Stead., Ib., 154). Это случаи далеко не единичные; лица, командированныя республиканскою партіей для наблюденія за выборами, изгонялись на глазахъ полиціи членами Таммани

изъ помѣщенія, гдѣ происходитъ подача голосовъ (Stead., Ib., 156)

Гдѣ же суверенитетъ народа, гдѣ величіе акта выборовъ, гдѣ священныя привилегіи гражданъ?—патетически восклицаетъ по этому поводу Стэдъ (Stead., Ib., 157).

Для американскихъ парламентскихъ дѣльцовъ права гражданъ и суверенитетъ народа—пустой звукъ: своихъ избирателей они цинично называютъ вотирующей скотиной—voting cattle (Walck, Gef., 6).

Вообще нью-іорскіе порядки представляютъ собою чрезвычайно много поучительнаго: городское общественное управленіе этого города, при наличности всѣхъ условій парламентскаго строя, являетъ намъ картину чудовищныхъ злоупотребленій. Нью-Іоркомъ управляло, какъ доказала коммиссія Lexow'a, не городское общественное управленіе, а мошенническое политическое общество Таммани. И всѣ это знали и въ случаѣ необходимости противодѣйствовать какимъ-нибудь беззаконіямъ чиновъ городского управленія—съ жалобами отправлялись не въ City Hall—городскую ратушу, а въ Tammany Hall—главную квартиру общества Таммани (Stead., Ib., 137); иные такъ даже и не подозрѣвали, что Таммани Холлъ и городская ратуша—не одно и то же; Таммани замѣняло собою городское управленіе (ibid). Даже полицейскіе чины, когда требовалось возстановить дисциплину въ средѣ своихъ подчиненныхъ—обращались не къ городскому управленію, а къ Tammany Hall (Stead., Ib., 68)

Какъ выше было сказано—почти всѣ муниципальные чиновники Нью-Іорка, и прежде всего полиція были ставленниками Таммани; всѣ назначенія и увольненія зависѣли отъ Таммани, а высокое покровительство Таммани можно было купить за деньги: во-первыхъ, такъ какъ назначеніе, напримѣръ, по полиціи обусловливалось сдачею извѣстнаго экзамена, то экзаменующіеся получали свидѣтельство о выдержаніи экзаменовъ не иначе какъ за деньги, а знаній не спрашивалось; во-вторыхъ—самый актъ назначенія и всякое дальнѣйшее повышеніе таксировались довольно высокими суммами; напримѣръ, назначеніе полицейскимъ сержантомъ (унтеръ-офицеръ) стоило 1600 долларовъ, назначеніе капитаномъ (соотвѣтствуетъ

частному приставу) оплачивалось 15000 долларовъ (Stead, Ib, 70, 72); повышеніе по службѣ вслѣдствіе заслугъ—совсѣмъ не практиковалось (Stead., Ib., 70). И такъ обстояло дѣло не въ одной только полиціи, но и буквально во всей области муниципальной службы (Stead, Ib., 73).

Ясное дѣло, что деньги за назначеніе и повышеніе въ должности платились не даромъ; должностныя лица стремились и считали себя въ правѣ покрыть свои расходы съ избыткомъ за счетъ обывателя; Нью-Іоркъ привыкъ видѣть мошенниковъ въ полицейской формѣ и на судейскомъ креслѣ—the criminals in uniform and on the judges bench (Stead., Ib, 136) Особенно отличалась полиція; она обложила поборами всѣхъ и вся—и честныхъ людей, и безчестныхъ, и преступниковъ. Постоянную дань полиціи платили всѣ торговцы, начиная съ крупныхъ и кончая торгующими съ лотковъ и разнозчиками; городскіе подрядчики, напримѣръ, по очисткѣ улицъ; проституткы и т. д., и т д Кто отказывался платить, тотъ повергался жесточайшему преслѣдованію, обвинялся въ небывалыхъ преступленіяхъ, подтверждаемыхъ выставленными полиціей лжесвидѣтелями, приговаривался къ тюремному заключенію, такъ что нерѣдко подобныя жертвы мщенія полиціи прямо терпѣли окончательное разореніе и гибель (Stead., Ib., 90—91, 135, 138, 147—148, 127, 129, 59). Разрѣшеніе торговать спиртными напитками обставлено въ Нью-Іоркѣ довольно строгими гарантіями, но за деньги полиція разрѣшала открывать торговлю спиртными напитками кому угодно (Stead., Ib., 46). По закому игорные дома были совершенно запрещены, но полиція разрѣшала ихъ сколько угодно—за деньги (Stead, Ib., 120).

Общества, получавшія отъ города концессіи, напримѣръ, по освѣщенію улицъ, по городскому сообщенію, были неизсякаемыми источниками дохода, буквально дойными коровами (milch-cows) для общества Таммани (Stead, Ib., 47—48).

Съ ворами и грабителями Нью-Іорская полиція вошла въ соглашеніе, вступила въ союзъ и разрѣшала имъ безпрепятственно „работать“, лишь бы аккуратно вносились установленныя подати въ пользу полиціи. Напримѣръ, съ шайкой мошенниковъ, обиравшихъ провинціальныхъ про-

стаковъ продажею *настоящихъ денегъ* за полцѣны (при чемъ въ послѣдній моментъ банковые билеты подмѣнивались простою бумагой, а золото—кирпичами), полиція была въ стачкѣ, и если кто-либо изъ обобранныхъ заявлялъ претензію—его тотчасъ же арестовывали, обвиняли въ клеветѣ и лжедоносѣ, угрожали тюрьмой и въ заключеніе заставляли платить довольно крупную сумму въ пользу полиціи—лишь бы только избавиться отъ этой напасти (Stead., Ib., 49, 51, 59, 93, 107, 108—119)

Комиссія сенатора Lexow'a установила, что огромной властью, принадлежащей Нью-Іоркской муниципальной полиціи, чины полиціи пользовались исключительно для обиранія населенія (Stead., Ib., 82, 83, 131—132); при этомъ беззастѣнчивость доходила до того, что, облагая извѣстными, довольно крупными, поборами какое-нибудь лицо, чины полиціи давали ему все-таки возможность нажиться, а затѣмъ, напослѣдокъ, открывали на это лицо настоящій походъ—обвиняли въ разныхъ преступленіяхъ, сажали въ тюрьму, выпускали за крупное вознагражденіе, тотчасъ же вновь придирались, вновь сажали въ тюрьму и продолжали эту тактику до тѣхъ поръ, пока не обирали несчастную жертву окончательно, до-чиста, пускали прямо по міру. Такъ поступали, напримѣръ, съ содержательницами публичныхъ домовъ (Stead, Ib., 127—129). Если Нью-Іоркская полиція не церемонилась съ бойкими расторопными нью-іоркскими янки (with the cute Yankee and the smart New Yorker), то можно себѣ представить, что продѣлывалось съ пріѣзжими, зачастую не знающими языка, робкими эмигрантами изъ-за океана, для которыхъ Нью-Іоркская полиція являлась олицетвореніемъ—и какимъ олицетвореніемъ!—всей американской конституціи; за спиной полицейскаго стоитъ все правительство—муниципальное, штата и союза (City, State and Federal); что онъ скажетъ, то и будетъ; бѣдному, невѣжественному, не имѣющему ни друзей ни знакомыхъ, иностранцу остается лишь повиноваться; полиція обираетъ его, какъ хочетъ. Лица, уѣхавшія въ Америку, чтобы избѣжать притѣсненій на родинѣ, терпѣли въ Нью-Іоркѣ вдвое большія притѣсненія (Stead., Ib., 87—89).

Во главѣ всѣхъ этихъ полицейскихъ „коммерческихъ“ операцій стоятъ Нью-Іоркскіе политиканы, члены Таммани

(Stead., Ib., 126, 129); они вездѣ—въ полиціи, въ судѣ, въ городскомъ управленіи, и сила ихъ—въ постоянной непзмѣнной взаимной поддержкѣ и защитѣ, какія бы злодѣянія ни совершались; и надъ всѣмъ этимъ преступнымъ міромъ царитъ предсѣдатель общества Таммани, такъ-называемая „шишка"—the Boss of Tammany—современный Сатана (Stead., Ib, 35, 28).

Потери, понесенныя Нью-Іорскимъ населеніемъ вслѣдствіе грабежей общества Таммани, достигаютъ колоссальныхъ цифръ. Напримѣръ, Твидъ, правившій—въ качествѣ Босса Таммани — Нью-Іоркомъ цѣлый рядъ лѣтъ, награбилъ болѣе 20 милліоновъ долларовъ; вся же его шайка, все Таммани, пріобрѣла за это время 160 милліоновъ долларовъ. Нѣмцы взяли съ Парижа послѣ войны 1870—1871 г. всего лишь четверть этой суммы; убытокъ, причиненный громаднымъ пожаромъ Чикаго въ 1871 году, когда выгорѣло три квадратныхъ мили городскихъ построекъ и 98500 жителей остались безъ крова, составлялъ 190 милліоновъ долларовъ, лишь на 30 милліоновъ болѣе воровской добычи Таммани въ Нью-Іоркѣ, то-есть, значитъ, общество Таммани хуже огня и нашествія иноплеменниковъ (Stead, Ib., 38, 40).

Между тѣмъ вредъ, причиняемый дѣятельностью Таммани, не исчерпывается одними матеріальными убытками; несравненно большій вредъ принесло созданіе той атмосферы беззаконія, которая тяготѣла надъ Нью-Іоркомъ, благодаря Таммани.

Подъ эгидой всесильной организаціи Таммани—полиція въ Нью-Іоркѣ стояла внѣ закона (Stead., Ib, 104); для населенія же законъ олицетворялся полиціей; преступники преслѣдовались лишь по благоусмотрѣнію полиціи—тогда, когда это было нужно обществу Таммани (Stead., Ib., 69); полиція укрывала тѣхъ преступниковъ, которые ей платили (Stead., Ib., 52, 64, 81, 87, 119, 120, 122, 125); и не только сама укрывала ихъ, но даже систематически парализовала всѣ усилія другихъ властей въ дѣлѣ раскрытія и преслѣдованія преступленій, предупреждая преступниковъ о предписаніяхъ властей, о готовящихся мѣрахъ преслѣдованія и т. д. (Stead, Ib., 130); когда начала свою дѣятельность по раскрытію преступниковъ Таммани

комиссія Lexow'a, то полиція всѣми мѣрами противодѣйствовала работамъ комиссіи (Stead, lb, 57, 126—127).

Самыя основы конституціи Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ безнаказанно попирались Нью-Іорской полиціей. Напримѣръ, неприкосновенность жилища въ Нью-Іоркѣ не существовала, полиція присвоила себѣ право входа въ любой домъ и квартиру—„не въ меньшей мѣрѣ, чѣмъ Петербургская полиція", говоритъ Стэдъ (Stead., lb, 62). Неприкосновенность личности была для Нью-Іорской полиціи такъ же пустымъ звукомъ: полиція арестовывала кого угодно, по какому угодно поводу—да еще вдобавокъ подвергала арестованныхъ въ помѣщеніи полиціи звѣрскимъ побоямъ и истязаніямъ, такъ, что выбивались зубы, глаза вылетали изъ орбитъ и висѣли, болтаясь на оборвавшихся глазныхъ мышцахъ, разсѣкалась кожа на черепѣ въ длину на нѣсколько сантиметровъ такъ, что приходилось накладывать до 27 швовъ и т. п.—и все это совершенно безнаказанно для чиновъ полиціи (Stead., lb, 95, 96, 100, 102, 103, 104, 132—133, 141—143).

Единственнымъ спасеніемъ отъ притѣсненій и насилій полиціи—были деньги, съ бѣдными же людьми обращались буквально какъ со скотомъ (Stead., lb., 142); для массы Нью-Іоркскаго населенія полицейскій олицетворялъ собою всю власть и законодательную, и исполнительную, и судебную, и конституцію, и городское управленіе (Stead., lb., 58).

Губернаторы штата Нью-Іоркъ, напримѣръ, Flower, оказывались членами Таммани (Stead., lb., 53); судьи—ставленниками Таммани. На судейскія кресла Таммани сажало завѣдомыхъ мошенниковъ, и судъ былъ всецѣло въ рукахъ Таммани (Stead., lb., 145—147, 73, 92). „Для бѣдныхъ нѣтъ правосудія въ Нью-Іоркѣ", говорили жители (Stead., lb., 103, 135, 136, 139), тѣмъ болѣе, что полиція могла что угодно доказать лжесвидѣтелями, а требованія обвиняемаго о вызовѣ свидѣтелей въ его пользу — встрѣчали всегда отпоръ со стороны судей (Stead, lb., 90, 91, 135)

И Нью-Іоркъ не составляетъ исключенія: безсиліе законовъ есть всеобщее зло въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ; обиліе законовъ тамъ необычай-

ное, но законы эти очень плохо исполняются (см., напр., Янж Синд, 332—337; „В. Е.“, 1903, ноябрь, 349—350; Нов. Сл. 1897, X, 180—195).

Сторонники парламентаризма не замедлятъ сдѣлать, конечно, указаніе, что тѣмъ не менѣе всѣ злоупотребленія Таммани разоблачены комиссіей сенатора Lexow'a, чѣмъ и пресѣчена на будущее время возможность подобныхъ злодѣяній

Вотъ въ томъ-то и дѣло, что нѣтъ

Комиссія Lexow'a оказалась безсильной, и вся работа ея—безполезной. Во время работъ комиссіи полиція грабила и собирала дань попрежнему, безъ малѣйшаго измѣненія заведенныхъ порядковъ; это подтвердили въ засѣданіяхъ комиссіи свидѣтели (Stead. Ib., 136—137). Полиція обращалась къ своимъ кліентамъ, частію въ ободряющемъ, частію въ запугивающемъ тонѣ—„подождите, все будетъ по-старому, дайте лишь разсѣяться тучамъ—wait till the clouds roll by“ (Stead., Ib, 125).

Правда, ради избавленія отъ ига Таммани была предпринята цѣлая реформа: путемъ сліянія нѣсколькихъ городовъ образованъ „Великій Нью-Іоркъ“ (the Greater New-York), и—изъ недовѣрія къ выборнымъ корпораціямъ—почти вся власть сосредоточена въ рукахъ мэра. Но мэромъ былъ избранъ нѣкто Ванъ-Викъ — кандидатъ Таммани! (Stead., Ib., 205).

Есть одна область, гдѣ недостатки организаціи государственной власти особенно рѣзко бросаются въ глаза—это область защиты дѣтей отъ эксплуатаціи ихъ труда въ промышленныхъ предпріятіяхъ. Оказывается, что и тутъ, какъ и во множествѣ другихъ случаевъ, парламентаризмъ является формой правленія, безсильной предупредить самыя вопіющія нарушенія интересовъ цѣлаго народа.

Въ концѣ XVIII столѣтія въ Англіи началось движеніе въ пользу охраны здоровья дѣтей отъ губительнаго вліянія непосильнаго труда въ мануфактурахъ. До этого времени отношеніе англичанъ къ факту примѣненія дѣтскаго труда—было сплошнымъ самодовольствомъ: Дефоэ, напримѣръ, восхищался, что дѣти съ самаго ранняго возраста могутъ быть полезны своимъ родителямъ; въ офиціальныхъ отчетахъ писались разсужденія—какъ полезно дѣ-

тямъ заниматься работою, напримѣръ, разщипываніемъ конопатки, смолистый запахъ которой дѣйствуетъ на нихъ освѣжающимъ образомъ, при чемъ легкость работы позволяетъ занимать ею лицъ всякаго возраста; извѣстно, что за эту „легкую“ работу засаживали дѣтей съ пятилѣтняго возраста—по двѣнадцати и болѣе часовъ въ сутки: давать работу дѣтямъ считалось прекраснымъ, филантропическимъ дѣломъ, такъ какъ этимъ путемъ воспитывается-де серьезное, трудолюбивое поколѣніе (Ann., 1906, III, 56).

Наконецъ нашлись люди, которые поняли и осмѣлились во всеуслышанье заявить, сколько жестокости въ этой „филантропіи“ и какими послѣдствіями грозитъ она подрастающему поколѣнію: манчестерскіе врачи въ 1784 и 1796 годахъ постановили особыя резолюціи, посвященныя вопросу о дѣтскомъ трудѣ Началась агитація въ пользу огражденія дѣтей отъ подобной эксплуатаціи. Въ 1802 году былъ изданъ первый фабричный законъ, ограничившій работу дѣтей двѣнадцатью часами въ сутки, запретившій ночную работу дѣтей и поставившій извѣстныя требованія касательно посѣщенія школы Законъ—не исполнялся, такъ какъ въ это время въ Англіи наступило гигантское развитіе хлопчато-бумажнаго производства съ примѣненіемъ машинъ. Въ 1819 году вышелъ законъ, запрещающій принимать на работу дѣтей, моложе 9 лѣтъ и занимать работой болѣе 12 часовъ въ сутки лицъ, моложе 16 лѣтъ. Въ 1825 году опять вышелъ законъ, запрещающій работу болѣе 12 часовъ въ сутки лицамъ, моложе 16 лѣтъ. Законъ 1831 года распространилъ это правило на лицъ моложе 18 лѣтъ; дальнѣйшія мѣры защиты дѣтей были приняты законами 1833, 1844, 1847, 1867, 1874, 1895 и 1901 годовъ (Ann., 1906, III, 59—63)

Такъ *быстро* работала парламентская машина... Но можно было бы думать, что по крайней мѣрѣ хоть достигнуты прочные результаты?

Ничуть не бывало! Эксплуатація дѣтей и до днесь процвѣтаетъ въ Англіи. Нѣкто France Hird издалъ въ Лондонѣ въ 1898 году книжку подъ заглавіемъ „Вопль дѣтей“, „The cry of the children“, въ которой приводитъ рядъ ужасающихъ данныхъ. Въ большихъ мануфактурныхъ округахъ, въ особенности въ нѣкоторыхъ частяхъ лондонскаго

Истъ-Энда—дѣти являются работниками чуть ли не съ момента, какъ только научатся ходить; дѣвочки попадаютъ въ положеніе мало чѣмъ лучше рабскаго—какъ только ихъ нѣжные пальчики оказываются способными держать иголку или склеивать бумагу. Такъ какъ для дѣтей посѣщеніе школы въ Англіи обязательно, то ихъ заставляютъ работать четыре часа до школы и все время до глубокой ночи—послѣ школы, не говоря о томъ, что употребляются всяческія уловки, чтобы по возможности совсѣмъ не посылать дѣтей въ школу. Работа хотя и не тяжела—склеиваніе коробочекъ, дѣланіе искусственныхъ цвѣтовъ, сшиваніе дамскихъ поясовъ и т. д, тѣмъ не менѣе страшно обременительна для дѣтей, требуя постояннаго напряженнаго вниманія—и продолжается эта работа цѣлыми днями безъ перерыва, за самое ничтожное вознагражденіе; напримѣръ, одна семья, состоящая изъ матери и двоихъ дѣтей, работала ежедневно отъ 7 час. утра до половины двѣнадцатаго ночи безъ малѣйшаго перерыва даже для ѣды (ѣли за работой) и вырабатывала всего одинъ шиллингъ, три пенса, три фартинга (примѣрно 65 копеекъ); мать такъ устаетъ, что не имѣетъ времени убирать комнату, а дѣти нерѣдко засыпаютъ за работой, скорчившись, сидя (Hird., Cry., 9—16). Тысячи и тысячи дѣтей работаютъ по 14 часовъ въ сутки въ удушливомъ воздухѣ грязныхъ, тѣсныхъ, не вентилируемыхъ помѣщеній, питаясь самой скудной пищей, какую только можно себѣ вообразить (Hird; Cry., 59).

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ работа оказывается—помимо своей продолжительности—еще и прямо физически тяжелою, напримѣръ, при шитьѣ парусовъ и джутовыхъ мѣшковъ; края сшиваемыхъ толстыхъ, грубыхъ тканей приходится плотно прижимать одинъ къ другому и въ то же время натягивать, чтобы концы ихъ сошлись: если парусъ или мѣшокъ будетъ сшитъ такъ, что одно полотнище окажется выступающимъ противъ другого, то придется перешивать сызнова (Hird., Cry., 41).

Еще болѣе тяжела, страшно тяжела, работа дѣтей на лодкахъ, перевозящихъ товары по каналамъ Англіи (Hird, Cry., 79, 82—84).

Работа дѣтей въ Англіи—это кровавыя жертвы изъ

тысячъ и тысячъ маленькихъ усталыхъ головокъ, слабыхъ ручекъ, хрупкихъ дѣтскихъ тѣлецъ, маленькихъ, безнадежно страдающихъ сердечекъ — кровавыя жертвы на алтарѣ Мамона (Hird., Cry., 11—12).

Но какъ же возможны подобные ужасы, когда существуютъ такіе-то и такіе парламентскіе акты, охраняющіе дѣтей, запрещающіе то и то, предписывающіе это и это?

Увы, трудъ дѣтей выгоденъ Мамону нужны эти жертвы, а Мамонъ всесиленъ (Hird., Cry., 29), и къ его услугамъ является—„великій“, „конституціонный“ принципъ „неприкосновенности жилищъ“! На дѣтей, работающихъ внѣ фабричныхъ помѣщеній, фабричные законы не распространяются (Hird., Cry., 19, 46), каждый англичанинъ—хозяинъ въ своемъ жилищѣ и недосягаемъ для парламентскихъ актовъ (Hird., Cry., 66). И вотъ родители заставляютъ работать своихъ дѣтей, чтобы прибавить ничтожные гроши къ своему скудному заработку. Большею частью такъ заставляютъ работать дѣтей—вдовы или тѣ, къ сожалѣнію — очень многочисленныя женщины, у которыхъ мужья—пьяницы, проводятъ свои досуги по кабакамъ и другимъ притонамъ (Hird., Cry., 35, 45, 56), а за послѣднее время усилившаяся иммиграція иностранцевъ, въ особенности евреевъ, сбивающихъ цѣны на трудъ, заставляетъ и порядочныхъ, трудолюбивыхъ англійскихъ работниковъ достигать пополненія бюджета цѣною жизни и здоровья своихъ дѣтей (Hird., Cry., 61—66)—подъ сѣнью конституціоннаго принципа „неприкосновенности жилища“

Въ результатѣ цѣлой сотни лѣтъ парламентской охраны дѣтей получилось вырожденіе англійской расы: Джонъ Денисъ, въ статьѣ „Hooligan“, помѣщенной въ февральской книжкѣ EveryBody's Magazine, приводитъ множество интересныхъ указаній въ этомъ направленіи.

Въ одинъ прекрасный день, благодаря бурской войнѣ, англичане пришли къ ужасному открытію, что ихъ физическая сила подорвана—не оказалось человѣческаго матеріала для арміи, цифра забракованныхъ получилась поражающая; напримѣръ, въ Манчестерѣ изъ 11000, осмотрѣнныхъ комиссіей по пріему на военную службу, забракованныхъ оказалось около 10000.. Воевали не англичане, а шотландцы, ирландцы и жители колоній

Традиціонный, историческій Джонъ Булль—широкоплечій, краснощекій, энергичный, выносливый великанъ—исчезъ; на смѣну ему явился малокровный, физически истощенный, слабый волею и умомъ—хулиганъ, сплошь и рядомъ типичный дегенератъ (Ann, 1906, III, 64).

Въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ эксплуатація дѣтскаго труда происходитъ въ еще болѣе ужасающихъ размѣрахъ, въ особенности въ Южныхъ Штатахъ. Въ бумаго-прядильныхъ фабрикахъ Южныхъ Штатовъ по даннымъ 1904—1905 года работаютъ до 250 тыс. лицъ; изъ нихъ лишь 30 процентовъ старше 21 года: въ Сѣверной Каролинѣ 75 процентовъ рабочихъ на бумаго-прядильныхъ фабрикахъ—въ возрастѣ отъ 14 лѣтъ и ниже (Ann., 1906, III, 5, 8), въ Виргиніи, въ двухъ Каролинахъ, въ Алабамѣ работа дѣтей моложе 12 лѣтъ запрещена, но за отсутствіемъ фабричной инспекціи законъ не соблюдается, а въ Георгіи совсѣмъ нѣтъ законовъ, охраняющихъ дѣтей и регулирующихъ дѣтскій трудъ (Ann., 1906, III, 57, 67). Предѣльное количество труда для дѣтей въ Америкѣ въ настоящее время—66 часовъ въ недѣлю (Ann., 1906, III, 57)

Но и эти законы обходятся; подобно тому, какъ это дѣлается въ Англіи, американскіе родители рабочаго класса заставляютъ дѣтей работать на дому, для Нью-Іорка констатированы случаи, когда, напримѣръ, изготовленіемъ искусственныхъ цвѣтовъ были заняты пятилѣтнія и четырехлѣтнія дѣти (Ann, 1906, III, 26); и находятся въ свободной Америкѣ врачи, которые рѣшаются утверждать, будто для дѣтей моложе 9 лѣтъ работать 15 час. въ сутки—не вредно (Ann., 1906, III, 60) [*]).

Результатомъ, какъ и въ Англіи, является вырожденіе англо-саксонской расы; въ Южныхъ Штатахъ уже выработался фабричный типъ—factory type—физически истощенныхъ людей. Огромная армія безработныхъ состоитъ главнымъ образомъ не изъ людей, не находящихъ работы, а изъ неспособныхъ къ работѣ, не выносящихъ суровыхъ условій труда вслѣдствіе потери силъ и здоровья на

*) Интересующіеся найдутъ много подробностей о дѣтскомъ трудѣ въ Америкѣ—въ „Русской Мысли“, 1903 г, октябрь и ноябрь, статья „Дѣтскій трудъ въ Америкѣ“.

непосильной работѣ въ дѣтскомъ возрастѣ; статистика Пенсильваніи, напримѣръ, показываетъ, что кадры бродягъ и преступниковъ-рецидивистовъ пополняются главнымъ образомъ лицами, замученными работой съ самаго нѣжнаго дѣтскаго возраста (Ann., 1906, III, 9, 66, 59).

Правда, въ Соединенныхъ Штатахъ общественное мнѣніе возмущено этими фактами: возникъ національный комитетъ для защиты дѣтей и такіе же комитеты въ отдѣльныхъ штатахъ (Ann., 1906, III, 67); но если Сѣверо-Американская парламентская машина будетъ работать такъ же быстро и успѣшно, какъ англійская, то улучшенія участи дѣтей придется ждать до 2000 года.

Ознакомляя насъ съ злоупотребленіями и всяческими отрицательными и темными сторонами парламентаризма, нѣкоторые изъ авторовъ указываютъ при этомъ, что причиною парламентскихъ нестроеній является не просто деморализація народа, которую нужно во всякомъ случаѣ считать явленіемъ временнымъ и преходящимъ, и не какіе-либо случайные и слѣдовательно устранимые недостатки той или иной конституціи; но что корень зла лежитъ въ самой системѣ парламентаризма, основные принципы котораго по сущности своей враждебны идеѣ государства.

Въ современныхъ конституціяхъ, благодаря парламентаризму, общество беретъ верхъ надъ государствомъ,—а это представляется въ высшей степени нежелательнымъ (Off., Parl., 11).

Дѣйствительно—понятіе общества есть понятіе народа, расчлененнаго и раздробленнаго различіями въ обладаніи и способахъ пріобрѣтенія матеріальныхъ и духовныхъ благъ. Эгоистическія стремленія каждаго индивидуума являются для него, какъ члена общества, цѣлью всей жизни, и самое общество онъ склоненъ представлять себѣ какъ средство для успѣшнѣйшаго достиженія своихъ интересовъ. Поэтому общество являетъ собою массу населенія, разъединенную взаимной противоположностью частныхъ интересовъ; и выйти изъ этой противоположности и борьбы отдѣльныхъ, частныхъ интересовъ — своими силами оно не можетъ.

Это различіе, эта взаимная противоположность част-

ныхъ интересовъ переодолѣвается только государствомъ, которое является силою, стоящей выше общества, и подчиняетъ всѣ частные интересы одной общей цѣли и объединяетъ и примиряетъ ихъ въ стремленіи къ благу цѣлаго народа (Off., Parl., 7—8).

Между тѣмъ отдѣльные элементы общества, группируясь сообразно общности интересовъ въ классы и партіи, находятся въ постоянномъ антагонизмѣ, и тѣ изъ нихъ, которые оказываются въ данную минуту наиболѣе могущественными, стремятся подчинить себѣ государство и направить его дѣятельность исключительно въ свою пользу; парламентаризмъ какъ разъ даетъ для этого наиболѣе простое, легкое и удобное средство—правленіе партіи (Off., Parl., 8, 11, 54). Между тѣмъ въ интересахъ народа, какъ цѣлаго, была бы какъ разъ противоположная организація, гдѣ государство представляло бы изъ себя внѣпартійную, регулирующую и примиряющую силу, обезпечивающую для всѣхъ равно благопріятныя условія существованія (Off., Parl., 68, 70—71).

Это мнѣніе Оффермана—достойное самаго глубокаго вниманія — остается пока далекимъ отъ всеобщаго признанія; до требованія—уничтожить парламентаризмъ—на Западѣ дѣло еще не дошло; но мысль о необходимости болѣе или менѣе радикальныхъ реформъ парламентскаго строя можетъ считаться окончательно созрѣвшей.

Одни, напримѣръ, предлагаютъ возвысить авторитетъ верхней палаты; другіе — усилить королевскую власть; третьи все спасеніе видятъ въ учрежденіи пропорціональнаго представительства (Pell., Parl, 115—116, 125, 198).

Иные, признавая приведенныя мѣры простыми палліативами, отвергаютъ ихъ какъ безполезныя. Усиленіе королевской власти, во-первыхъ, непримѣнимо тамъ, гдѣ ея нѣтъ; во-вторыхъ—при сохраненіи основъ современнаго парламентаризма—далѣе обсолютнаго veto это усиленіе итти не можетъ, обсолютное же veto монарховъ и теперь кое-гдѣ существуетъ, но пользы не приноситъ. Возвышеніе авторитета верхней палаты—едва ли даже вообще возможно; верхняя палата имѣетъ право абсолютнаго veto по отношенію къ рѣшеніямъ нижней палаты—какая же реформа здѣсь возможна? Да кромѣ того—верхнія палаты

такъ же подвержены внутреннему разложенію, какъ нижнія; напримѣръ французскій сенатъ совершенно подчинился палатѣ депутатовъ и идетъ пассивно за нею во всѣхъ дѣлахъ и вопросахъ—сверженіи министерствъ, утвержденіи бюджета и т. д. (Eichth., Souv., 255): въ Италіи жалобы на деморализацію (corruzione) Сената высказываются въ печати даже самими сенаторами, каковы, напримѣръ, Alfieri di Sostegno, Filippo, Linati, Andrea, Suarneri, Fedele, Lampertico, Luigi, Zini. (Pell., Parl., 140—141 e nota)

Пропорціональные выборы также не могутъ считаться панацеею парламентскихъ недуговъ: какъ выше было сказано, размноженіе партій ведетъ лишь къ образованію временныхъ коалицій партій, блоковъ, которые путемъ взаимныхъ уступокъ проводятъ мѣры, выгодныя для всѣхъ вступившихъ въ блокъ партій, но для государства и народа въ лучшемъ случаѣ безполезныя. И во многихъ парламентахъ есть такія группы, которыя за различныя льготы и подачки вступаютъ въ союзъ съ любой партіей—съ торговъ, кто больше дастъ. Таковы, напримѣръ—центръ въ Германіи, поляки въ Австріи, оппортунисты во Франціи (Zenk., Ref, 44).

Въ виду этого многіе писатели требуютъ болѣе широкихъ, коренныхъ реформъ конституціоннаго строя и указываютъ на нѣкоторые принципы, какъ на совершенно ложные и подлежащіе безусловному отрицанію.

Самая основа парламентаризма—выборы депутатовъ и рѣшеніе вопросовъ *по большинству голосовъ*—покоится на ошибочномъ убѣжденіи, будто всякій вопросъ, всякое дѣло можно рѣшать по большинству голосовъ; это убѣжденіе есть возвращеніе къ философіи пиѳагорейцевъ, которые думали, что числа управляютъ вещами; развѣ можно считать разумнымъ подчиненіе меньшинства большинству, если послѣднее стремится обезчестить, денаціонализировать, поработить меньшинство? (Zenk., Ref., 13, 40, 46—47; Pioger Vie Sok., 186); развѣ можно навязать комунибудь по большинству голосовъ—религію? Можно ли поставить оборону страны отъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ—въ зависимость отъ рѣшенія большинства? (Off., Parl., 28—29). На нашихъ глазахъ національная оборона Франціи находится въ состояніи полнаго упадка и дезор-

ганизаціи—и въ этомъ виноватъ парламентаризмъ съ его принципомъ большинства (Sén., Parl, 31; Schöff., Parl., 4). Неподготовленность Франціи къ войнѣ 1870 года и окончательная гибель арміи вслѣдствіе назначенія главнокомандующимъ маршала Базена—дѣло рукъ парламентаризма: въ 1866 году маршалъ Ніэль предлагалъ реформы военной организаціи—палата отказала; въ 1868 и 1869 году—палата опять отвергаетъ проекты реорганизаціи арміи; 30 іюня 1870 года, почти наканунѣ объявленія войны, палата понизила численность арміи на 20000 человѣкъ, несмотря на всѣ усилія правительства недопустить этого, по объявленіи войны палата назначила главнокомандующимъ Базена, извѣстнаго своею измѣною въ Мексикѣ: нѣкто Slais Bizoin, депутатъ закричалъ въ палатѣ—„Bazaine généralissime"! и всѣ завопили—„oui, oui, Bazaine généralissime"! и погубили армію, а съ нею и Францію (Sén., Parl, 5—6).

Не менѣе ложнымъ, чѣмъ безусловное преклоненіе передъ большинствомъ, передъ голой цифрой, является принципъ безотвѣтственности депутатовъ передъ избирателями (Zenk., Ref, 32, 35—36); этотъ принципъ зиждется на совершенно произвольномъ утвержденіи, будто каждый депутатъ есть представитель всего народа въ цѣломъ, это теоретически нелѣпо и фактически невѣрно—напримѣръ, въ Австріи полякъ, чехъ, итальянецъ всегда будутъ представлять интересы поляковъ, чеховъ, итальянцевъ, а не какого-то воображаемаго австрійскаго народа (Zenk., Ref., 32—33, 34). А между тѣмъ безотвѣтственность депутатовъ ведетъ къ самымъ плачевнымъ послѣдствіямъ: никогда самый узкій абсолютизмъ не рѣшился бы на такія насилія и несправедливости, какія на каждомъ шагу позволяютъ себѣ совершать прикрывающіеся своею безотвѣтственностью парламентаріи (Schöff., Parl., 19, 26; Sén., Parl., 20).

Нужно отвергнуть этотъ ложный принципъ безотвѣтственности депутатовъ. Депутаты должны представлять интересы своихъ избирателей, а такъ какъ врученіе наказа депутату отъ избирателей безполезно, ибо заранѣе всего предвидѣть нельзя, то депутатъ долженъ пользо-

ваться свободою дѣйствій, но при этомъ подлежитъ отвѣтственности передъ избирателями—хотя-бы въ формѣ права избирателей на отозваніе депутата: право отозванія являлось бы совершенно естественнымъ корольларіемъ избирательнаго права (Zénk., Ref., 87—89).

Далѣе, мы встрѣчаемъ многочисленныя указанія на непомѣрную, ни съ чѣмъ не сообразную, всеобъемлющую компетенцію парламента.

Основная функція парламента есть законодательство. Затѣмъ не менѣе существенною стороною его дѣятельности является контроль надъ дѣятельностью правительственныхъ властей—главнымъ образомъ въ сферѣ финансовой: современное государственное хозяйство зиждется на кредитѣ, кредитъ предполагаетъ довѣріе, довѣріе предполагаетъ наличностью контроля, контроль осуществимъ лишь черезъ представителей народа (Zénk., Ref., 9—10, 12). Въ виду этого парламенту должны быть сохранены контрольныя функціи (Zénk., Ref., 67, 70); затѣмъ конечно законодательство должно остаться въ рукахъ парламента: все же, что не относится до законодательства и контроля, должно быть изъято изъ компетенціи парламента (Zénk., Ref., 71—76: Off., Parl., 83), въ особенности же должна быть закрыта и защищена отъ парламентскихъ посягательствъ область управленія.

Парламентарная идея, проведенная въ сферѣ управленія, есть въ высшей степени ложная концепція. Исходя изъ факта противоположности понятій общества и государства, мы должны признать, что въ отношеніи государственнаго управленія современная конституціонная доктрина впадаетъ въ грубую ошибку: вмѣсто того, чтобы организовать связь между государствомъ и обществомъ именно въ сферѣ управленія, то-есть тамъ, гдѣ измѣнчивые общественные интересы ежедневно сталкиваются съ государствомъ и его требованіями, такъ что государство тутъ именно—въ тысячахъ отдѣльныхъ случаевъ—могло бы примирять и регулировать сталкивающіеся общественные интересы; вмѣсто этого ложная парламентарная доктрина переноситъ грубую борьбу интересовъ прямо въ нѣдра законодательнаго учрежденія (Off., Parl., 74). Зако-

нодательство смѣшивается съ управленіемъ; партійная борьба переходитъ въ такую область, которая должна быть для нея совершенно закрыта—въ область управленія: благодаря этому при всякой перемѣнѣ министерства—а онѣ такъ часто въ парламентскихъ государствахъ—измѣняется все направленіе административной дѣятельности государственной власти; управленіе лишается устойчивости, и отъ этого жестоко страдаетъ населеніе, т.-е. само же государство. Постоянная смѣна министерствъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и вѣчныя колебанія политики управленія—ахиллесова пята конституціонализма (Hol., Ash, 10).

Въ виду сказаннаго возникаетъ мысль о коренныхъ реформахъ парламентскаго строя, именно о необходимости выдѣлить сферу управленія изъ компетенціи законодательныхъ учрежденій и построить управленіе на совершенно новыхъ самостоятельныхъ конституціонныхъ началахъ—напримѣръ, введеніемъ выборныхъ представителей населенія во всѣ государственныя административныя учрежденія (Off., Parl., 79, 81, 82, 83, Chim. Vita, 88—89); къ этому добавляются пожеланія реформировать самые парламенты такъ, чтобы верхняя палата была законодательною палатой, а нижняя—палатою административной —Verwaltungskammer (Off., Parl., 88—90, 99), или чтобы верхняя палата была камерой политическаго законодательства, а нижняя—государственно-хозяйственныхъ мѣропріятій (Zénk., Ref., 78—79).

Нѣкоторые писатели идутъ еще далѣе и отвергаютъ совершенно выборное начало, которымъ такъ злоупотребляютъ парламентаріи; предлагается созданіе особаго правящаго класса изъ *аристократовъ ума* (Geistesaristokraten), пополняющаго свой составъ путемъ *кооптаціи* (Walck. Gef., 12 ff).

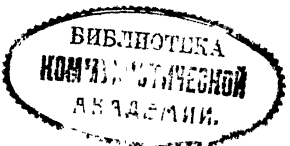
Наконецъ, американцы—какъ мы видѣли—отчаявшись въ парламентаризмѣ, склоняются къ выборной диктатурѣ и создаютъ въ своихъ городахъ должности всесильныхъ городскихъ головъ; современный американскій муниципальный идеалъ есть—царь-голова, the Tsar-Mayor!

Входить въ разборъ всѣхъ перечисленныхъ проектовъ реформъ—мы не станемъ; мы задались цѣлью показать,

какъ разочаровались на Западѣ въ томъ самомъ парламентаризмѣ, который мы оттуда только что рабски заимствовали, и поэтому мы считаемъ нашу задачу исполненной.

Что же касается выводовъ и предположеній о предлежащихъ путяхъ практической дѣятельности, намѣчаемыхъ современнымъ положеніемъ дѣлъ въ Россіи, то объ этомъ мы поговоримъ въ другой разъ.

Проф. *В. Ф. Залѣсскій.*

Отдѣльный оттискъ изъ „Московскаго Сборника“.